ВИТАЛИЙ ГУБАРЕВ

ЧАСЫ ВЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ»
1965

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Первое издание (1965) повести-сказки В. Г. Губарева «Часы веков» с иллюстрациями художника И. Л. Ушакова.

Часовых дел мастер Великанов починил часы, цифры на которых показывают века и даже целые тысячелетия. Через заднюю дверцу, находящуюся за маятником этих волшебных часов, героиня повести отправляется в доисторическую эпоху — сначала к мамонтам и саблезубым тиграм, а потом и к первобытным людям.

-
- ГЛАВА ПЕРВАЯ,
- ГЛАВА ВТОРАЯ,
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ,
- ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,
- ГЛАВА ПЯТАЯ,
- ГЛАВА ШЕСТАЯ,
- ГЛАВА СЕДЬМАЯ,
- ГЛАВА ВОСЬМАЯ,
- ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,
- notes
    - 1

Художник И. Ушаков

ВИТАЛИЙ ГУБАРЕВ

ЧАСЫ ВЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "МАЛЫШ"

Москва · 1965

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой начинаются приключения Мухи

Прежде всего надо сказать, что Муха не насекомое, а маленькая девочка двенадцати лет, с чёрными косичками, с густыми, словно нарисованными чёрной тушью, бровями, с большими глазами, окаймлёнными кустарником чёрных, очень красиво изогнутых ресниц. Может быть, за эту черноту её и прозвали Мухой. А может быть, за то, что она на переменах стремительно носилась по школе, появляясь то на одном, то на другом этаже, не переставая тихонько напевать какие-то песенки без слов. Эти её песенки весьма походили на мушиное гуденье.

Как бы там ни было, её называли Мухой. Кличка до такой степени привязалась к ней, что даже учителя говорили: «Муха, иди к доске». Или: «Муха, перестань гудеть!» Мало кто помнил, что настоящее имя этой девочки — Маша.

Приключения Мухи начались в первый день летних каникул, когда родители, пожурив её за тройку по истории, ушли на работу. Муха грустно повертела в руках табель со злополучной тройкой, длинно вздохнула, сунула табель в ящик письменного стола и собралась идти во двор, где её ждали подружки. В эту минуту в коридоре раздался резкий звонок.

Она открыла дверь и невольно улыбнулась. У порога стоял крошечный старичок, совершенно заросший седыми, сияющими, будто свежие белила, волосами. Эти неестественно белые волосы росли так густо, что никак нельзя было определить, где кончаются брови, а где начинается борода. А глаза старичка были голубыми, как летнее небо, и весело поблёскивали из белых зарослей. Муха и старичок были одного роста, но, разумеется, совсем не походили друг на друга, как вообще чёрное не походит на белое. Если глаза Мухи темнели, как два таинственных колодца, то глаза старичка светились, словно два прозрачных родника.

«Это лилипут, — подумала Муха с любопытством, — интересно, какой у него голос? Наверно, писклявый».

— Здравствуй, девочка, — сказал старичок раскатистым басом, — я часовой мастер. Я пришёл исправить ваши часы.

— Какие часы? — удивилась Муха. — Папа забрал свои часы на работу.

— Я говорю не о ручных часах, а о напольных, — пробасил

старичок, — о тех самых, которые стоят в углу вашей столовой.

— Да разве можно починить те часы! — воскликнула Муха. — Они достались нам в наследство от дедушки, но когда я родилась, они уже стояли. Все мастера говорят, что они никогда не будут ходить.

— Все мастера? — презрительно фыркнул старичок. — Хотел бы я взглянуть хотя бы на одного такого бездельника! Уж будь уверена, ему не поздоровилось бы! Нет на нашей планете таких часов, которые нельзя починить. Во всяком случае нет таких, которые не смог бы починить часовой мастер Великанов, то есть я!

Старичок Великанов отстранил Муху своей маленькой, но сильной ручкой и, смешно пританцовывая на паркете, уверенно

направился в столовую. На ходу он негромко припевал:

Не идут часы никак—
И ни тик и ни так,
Но я знаю сделать как,
Чтоб ходили тик да так.

Муха рассмеялась. Ей нравился этот необыкновенный старичок. Он так заразительно напевал и пританцовывал, что она незаметно для самой себя начала повторять его движения и напевать:

Не идут часы никак—
И ни тик и ни так,
Но я знаю сделать как,
Чтоб ходили тик да так.

У входа в столовую старичок вдруг остановился и сказал:

— В сущности все люди — дети. И маленькие и взрослые.

— Так не бывает, — нерешительно заметила Муха.

— Бывает сколько угодно, — возразил он, — только взрослые напускают на себя солидность, хотя на самом деле им очень часто, так же, как детям, хочется прыгать, играть и дурачиться. Они просто притворяются, что они уже не дети. Они думают, что становятся величественными оттого, что ходят, задрав нос и сжав губы. А на самом деле величие человека зависит совсем не от этого.

— А от чего? — спросила заинтересованно Муха, которой пришлись по душе рассуждения часового мастера. Это и понятно: кому из девочек или мальчиков не хочется чувствовать себя наравне со взрослыми?

— Величие человека заключается вот в чём, — сказал старичок, прикладывая руку к голове и к груди. — В уме и в добром сердце! Подумай об этом, как следует, и ты всё поймёшь, потому что у тебя самой, как мне кажется, есть и ум и доброе сердце… Кстати, как тебя зовут?

— Муха.

— Великолепное имя! Я даже не спрашиваю, кличка это или настоящее имя. Важно, что ты сама себя так называешь. Должен тебе сообщить, что моя фамилия Великанов — тоже не настоящая. Злые языки дали мне это прозвище, надеясь ущемить моё самолюбие: ведь я очень маленького роста. А я с благодарностью принял новое имя, потому что решил, что оно

подходит мне.

Ты улыбаешься? Но ведь я же говорил тебе, что самое важное для человека не рост и не возраст! Примером тому могут служить хотя бы памятники… Да, да, памятники, которые, как известно, ставятся только великим людям… Так вот, я напоминаю тебе, что на нашей планете есть не мало памятников, поставленных благодарным человечеством маленьким детям![1]

Голубые глаза старичка Великанова излучали потоки ласкового света. Он стоял перед Мухой, маленький, изящный, в аккуратном костюмчике, купленном, по-видимому, в магазине «Детский мир», подбоченясь и чуть раскачиваясь на носках. Муха смотрела на него с уважением.

— Ты, наверно, очень быстро бегаешь? — вдруг спросил он, оглядывая её с ног до головы.

— Быстрее всех в классе… — порозовела она.

— Я тоже быстро бегаю, — сказал он, — интересно, кто из нас быстрее? Хорошо бы посостязаться… Слушай, ведь ты, небось, — гроза всех школьных мальчишек? Правда? Тебя побаиваются они?

— Да, — созналась она, — если они задираются, я им спуска не даю!

— Прекрасно! — воскликнул часовой мастер. — Люблю смелых девочек! А как ты учишься? Я думаю, у тебя нет ни одной тройки.

— Есть… — тихо вздохнула Муха. — Тройка по истории…

— О-о-о! — разочарованно пробасил маленький Великанов. — Я потрясён, Муха! История — великолепнейшая из всех наук! Я наверняка был бы профессором истории, если бы мой отец не захотел, чтобы я стал часовщиком. Дело в том, что и мой отец и мой дед были часовых дел мастерами… Ну что ж, идём посмотрим ваши напольные часы, потому что мы и так уже изрядно заболтались…

Часы занимали весь угол столовой. Это были очень старинные часы высотой не менее двух метров с бронзовыми инкрустациями и красивым светящимся циферблатом. Огромный золотистый круг маятника спал за стеклянной дверцей. Никто в доме не слышал, как эти часы тикают и звонят. Иногда, когда Муха вытирала с них пыль и задевала их локтем, часы издавали тихий шелестящий звук, похожий на вздох, словно они жаловались на томительную скуку и бездеятельность. Никто не относился серьёзно к часам, их просто сохраняли в квартире, как старинное украшение.

Но маленький Великанов пришёл от этих напольных часов в неистовый восторг. Его глаза расширились и стали ещё голубее, челюсть отвисла и подрагивала. Он силился что-то сказать, но

волнение сковало язык часового мастера.

— Что я вижу! — наконец воскликнул он, отступая и взмахивая руками. — Что я вижу! Что я вижу! Нет, этого не может быть! Я, кажется, могу сойти с ума от радости! Я думал, что эти часы — плод фантазии моего деда! Но теперь я вижу, что часы веков существуют на самом деле! Муха! Дорогая Муха! Перед нами неповторимые, волшебные, единственные в мире часы веков! Это похоже на сказку! А может быть, мы на самом деле попали в сказку!

Муха почти ничего не поняла из сказанного старичком, но его волнение передалось ей.

— Часы веков? — спросила она. — Что это значит?

— Это значит, — торжественно сказал Великанов, — что цифры на этих часах показывают века! Да, да, не часы, а века и даже тысячелетия! Целые эпохи! Не будь я часовых дел мастером, если это не так! Видишь этот золотистый маятник?

— Вижу… Только он никогда не качается.

— Он будет качаться, чёрт возьми!.. Так вот, если открыть стеклянную дверцу, то за маятником можно будет обнаружить вторую, заднюю дверцу из красного дерева. А та задняя дверца, милая Муха, ведёт в прошлые века! Только открой её — и ты попадёшь в любую эпоху, с той поры, когда на нашей Земле появилось разумное существо, именуемое человеком! Неужели тебе неинтересно попутешествовать по векам?

— Конечно, интересно, — недоверчиво усмехнулась Муха, — но если открыть заднюю дверцу, уткнёшься носом в угол столовой…

— Уткнёшься, если часы будут стоять, — заворчал Великанов, — но на то я и часовщик, чтобы они ходили!

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой Муха и старичок Великанов проникают в доисторическую эпоху

Минут десять он копался в механизме часов. Для этого старичку Великанову пришлось стать на стул. Муха видела, как у часового мастера, должно быть от нетерпения, дрожат колени, а один каблучок выбивает на стуле мелкую дробь. Наконец он спрыгнул со стула и легонько, одним пальчиком, толкнул золотистый маятник.

Маятник закачался.

— Тик-так, — чётко и неторопливо заговорили часы, — тик-так, тик-так…

— Идут! — крикнул Великанов своим зычным басом. — Ура! Дорогая Муха, учёные утверждают, что первый человек на нашей Земле появился примерно около одного миллиона лет назад. Сейчас мы проверим, так ли это… Видишь, стрелки часов сошлись на двенадцати. С этого часа, или точнее с далёкой и ещё никем не виданной эпохи, мы начинаем наше путешествие!

Он просунул руку между маятником и боковой стенкой часов и распахнул заднюю дверцу. Что-то зелёное, залитое ослепительно ярким светом, мелькнуло в открывшемся проходе, и в комнате сразу повеяло влажным теплом.

Сначала старичок Великанов, а за ним Муха проскользнули между маятником и боковой стенкой часов и очутились в зарослях величественных папоротников. Солнечный свет колеблющимися пятнами лежал на огромных лапчатых листьях. Было душно и жарко.

— Тик-так, — мерно стучали за спиной часы веков, — тик-так…

Муха оглянулась. Как это ни было странно, но она и старичок Великанов вошли в доисторическую эпоху из узкой и тёмной трещины в гранитной скале. Никаких часов не существовало!

Только из глубины трещины доносились торжественные звуки:

— Тик-так, тик-так…

— Ну, что ж, Муха, — сказал Великанов, — пойдём посмотрим на этот странный мир!

— А мы найдём дорогу обратно? — затревожилась она. — В этих зарослях очень легко заблудиться.

— Не беспокойся! Куда бы мы ни ушли, мы всегда будем слышать тиканье наших волшебных часов… Идём же!

Они скоро миновали заросли папоротников и вышли по мягким мхам к берегу реки. Бурное течение несло тёмные коряги и какие-то зелёные пучки: вероятно, река где-то подмыла обрывистый берег, и растения обрушились в воду.

Река была очень широкой и мутной. Противоположный берег едва угадывался в дымке тумана, в котором зоркие глаза Мухи разглядели неясную гряду остроконечных вершин леса.

Великанов и Муха стояли на высоком, неровном берегу, овеваемые горячим ветром, наполненным запахами сырости и неведомых трав. От этих сладковато-острых запахов во рту появлялась оскомина и кружилась голова. Было ли что-нибудь знакомое в этих запахах? Пожалуй, ничего, кроме тёплой сырости. Всё казалось необычным и ни с чем не сравнимым.

— Тише! — прошептал Великанов, обеспокоенно указывая с обрыва на что-то тёмное в воде. Это тёмное и неопределённое вначале показалось Мухе небольшим островком, поросшим бурыми водорослями. Но островок вдруг зашевелился, из воды высунулась продолговатая голова с длинным хоботом и двумя белыми бивнями. Хобот, извиваясь, взметнулся над рекой и шумно выпустил целый каскад воды. Только теперь поняла Муха, что мохнатую шерсть какого-то гигантского животного она приняла за водоросли.

— Слон? — спросила она шёпотом. — Ну, конечно же, смотрите у него хобот. Настоящий слон!

— Не думаю, — ответил Великанов. — Скорей всего мамонт… А может быть, предок и слонов и мамонтов. Во всяком случае он раза в три больше известных мне видов слонов.

Гигант явно наслаждался купанием. Мохнатое животное словно из мощного брандспойта поливало себя речной водой,

вымывая из шерсти каких-то огромных насекомых и круглых рыжих клещей. Некоторые из них достигали в диаметре не менее метра. Клещи падали в реку, переворачиваясь на спину и беспомощно шевеля множеством ножек; течение быстро относило их в сторону, вода сразу закипала вокруг, и стаи рыб в несколько мгновений пожирали клещей.

И тут произошло нечто такое неожиданное и страшное, что Муха потом долго не могла придти в себя. Река в самой стремнине вдруг бешено забурлила и заклокотала. Это шумное клокотанье стремительно приближалось к берегу. Мохнатый гигант на секунду застыл с приподнятым хоботом и, захрипев, рванулся к берегу. Тонны грязно-жёлтой воды взлетели над ним, посеяв целый дождь противных, тепловатых брызг на Муху и Великанова.

Как ни торопился гигант, он не ушёл от своей гибели. Вода уже плескалась и клокотала вокруг него. Сотни, а может быть, тысячи каких-то речных хищников со всех сторон атаковали могучее животное, высовывая из воды зубастые пасти. Было отчётливо видно, как они терзают несчастного гиганта, вырывая из его туши куски мяса. Животное страдальчески затрубило. Предсмертный вопль, от которого похолодело в груди Мухи, полетел над рекой, отдался эхом в заречье и заглох в туманной дали. Гигант свалился и исчез под водой. Река ещё с минуту клокотала над ним и успокоилась. А ещё через минуту, когда

течение унесло ил и песок, поднятые со дна гибнущим гигантом, стал виден его обглоданный остов. Ни одного клочка мяса не было на гигантских белых костях.

Река по-прежнему спокойно несла куда-то к неведомому морю или океану свои мутные воды, и тишину горячего, влажного дня нарушали только гортанные крики парящих в вышине белых птиц, похожих на огромных чаек.

— Да! — передохнул Великанов, качнув седой головой. — Такое и во сне не приснится!.. Не желаешь ли ты, Муха, искупаться в этой прелестной речушке?

— С удовольствием, — быстро сказала она, — только после того, как вы, товарищ Великанов, покажете мне пример!

— Ишь ты, какая сообразительная! — усмехнулся он. — Нет уж, что касается меня, то я предпочитаю подождать миллион лет, когда наступит наша эра, и реки очистятся от тварей, пожирающих в одно мгновение тонны живого мяса!

Они медленно шли по берегу, слыша, как где-то за спиной размеренно и неотступно стучат часы веков:

— Тик-так, тик-так…

Солнце поднималось всё выше, становилось нестерпимо жарко, и Муху начала мучить жажда. Она отстала от своего спутника и, наконец, взмолилась:

— Товарищ Великанов, зачем мы идём под солнцем? Смотрите, совсем рядом лес!

— А ты уверена, что в лесу нет зубастых гадов, какие водятся в здешних водах? — спросил он, останавливаясь, но, подумав, прибавил:

— Впрочем, как говорится, бояться гадов — в лес не ходить…

Однако первобытный лес оказался мало приспособленным для прогулок. Они с трудом пробирались сквозь нагромождения гниющего бурелома, сырого и скользкого. Стало почти совсем темно. Толстые стволы шершавых и влажных деревьев, породу которых невозможно было определить в полумраке, тесно поднимались вокруг чёрными привидениями. Душные гнилостные испарения наполняли воздух смрадом. Муха то и дело скользила, наступая на чудовищно большие грибы, которые лопались под ногой, как выстрел. Несколько раз она упала, больно исцарапав лицо и руки. В довершение ко всему на путников напали мириады летающих насекомых. Они больно

жалили, а при дыхании врывались в рот, лезли в ноздри и уши.

— Я больше не могу! — жалобно крикнула Муха Великанову, выплёвывая отвратительную кашу из насекомых. — Пожалуйста,

идёмте домой…

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой происходит смертельная схватка обезьяны с тигром

В эту минуту впереди мелькнул свет, и они скоро вышли на обширную поляну, заросшую высокой, сочной травой. С двух сторон поляну замыкали глыбы скал, образуя почти прямой угол. А в самом углу с высоты нескольких метров из тонкой расщелины выбивался узкий и прозрачный, словно стекло, весёлый ручеёк.

С каким наслаждением они пили приятную, почти ледяную воду! От холода у Мухи начало ломить лоб. Вода стекала по подбородку, забрызгала фартук, а она всё пила и пила…

— Не забывай, Муха, что ты попала в эпоху, когда на земле ещё нет ни врачей, ни лекарств, — ворчливо проговорил Великанов, — если ты простудишь горло, тебя некому будет лечить!

— Ещё один глоточек! — сказала она беспечно. — Я никогда не простуживаюсь.

К ней вернулось хорошее настроение. Она вытерла рукавом мокрое лицо и огляделась. Это было по-настоящему красивое место. В траве, там и тут, пестрели яркие, незнакомые цветы, а в центре поляны высоко к небу поднимались стройные стволы пальмовых деревьев. Их росло здесь не меньше десятка. В вышине остроконечные листья сплетались в густую крону, и на траву падала заманчивая тень.

— Вот бы отдохнуть в этой тени! — сказала она, потягиваясь, и уже было двинулась к пальмам, но Великанов остановил её.

— Осторожней! — понизил он голос. — Как бы Муха-мушка не попала в липучку, из которой, как известно, твои летающие тёзки никогда не выбираются!

Часовой мастер указал ей на ствол пальмы.

— Не вижу никакой липучки, — пожала она плечами.

— А ты присмотрись! То, что вижу я, пожалуй, даже похуже липучки!

Муха рассматривала дерево, заслонив ладошкой глаза от слепящего солнца. И вдруг вскрикнула:

— Какой ужас!

Вокруг ствола обвивалась огромная пятнистая змея. Казалось, она дремала.

— Не будем, Муха, вступать в конфликт с древнейшим пресмыкающимся. Пусть себе спит или делает вид, что спит… Я убеждён, что нам надо, как можно скорей, уносить отсюда ноги!

Уносить ноги им не пришлось, потому что на поляну совершенно нежданно обрушился шквальный ветер с косым, сбивающим с ног дождём. Солнце светило всё так же ярко, и поэтому им показалось, что дождь льёт с чистого синего неба. Просто Муха и Великанов не успели заметить, как из-за леса не выплыла, а вылетела клубящаяся чёрно-фиолетовая туча. Дождь походил на поток, прорвавший плотину, он захлёстывал дыхание, гремел, рычал и свистел, заглушая все другие звуки древнего мира. Муха видела, как шевелятся губы согнувшегося под

тяжестью дождя Великанова, понимала, что он что-то кричит ей, но не разобрала ни одного слова. Она лежала на земле, прижатая к ней дождевым водопадом.

Наконец ему удалось схватить её за руку и подтянуть к скале. Напрягая силы, маленький часовой мастер втолкнул Муху в небольшое круглое отверстие и протиснулся в него сам.

Долго лежали обессиленные путники в тёмной пещере. Ливень кончился так же неожиданно, как и начался, в круглом отверстии засверкало солнце, а они всё ещё не шевелились, слушая в наступившей тишине спокойное тиканье волшебных часов.

— Как ты себя чувствуешь, Муха-мушка? — услышала она слабый голос часового мастера.

Она не сразу ответила, потому что ей было трудно ворочать даже языком.

— Муха! — забеспокоился он. — Ты слышишь меня?

— Да… — вздохнула она. — Я себя чувствую так, будто меня раскатывали скалкой, а потом разрезали на лапшу.

— Ну, раз ты остришь, значит лапша из тебя не получилась, — успокоился он.

— Я бы с удовольствием похлебала сейчас маминой лапши, — снова вздохнула она.

— Боюсь, что это тебе не удастся, так как от мамы тебя сейчас отделяет небольшой отрезок времени — всего в один миллион лет! Может быть, ты недовольна, что отправилась со мной в это необычное путешествие?

— Что вы! Я хочу пропутешествовать целиком весь миллион лет!

— В таком случае давай выберемся из пещеры на солнышко и высушим нашу одежду. Ты смелая девочка, и я теперь вижу, что мальчишки тебя боялись не зря!

Муха поднялась, польщённая похвалой, взглянула в наружное отверстие и негромко ахнула.

— Тсс… — прошипел за её спиной Великанов. — Мы, кажется, видим то, что искали!

На прибитой ливнем траве валялось множество осыпавшихся пальмовых орехов величиной с добрый арбуз. А над орехами склонились большие волосатые обезьяны. Целая стая обезьян! Могучие, мускулистые, они грызли сосредоточенно орехи крепкими, как железо, зубами. По-видимому, это была трудная работа, потому что над поляной стоял такой скрип и скрежет, словно сто поваров выскребали ножами сто кастрюль.

Некоторые обезьяны, как было видно, уже прогрызли твёрдую кожуру и, приподняв орехи передними лапами, высасывали из

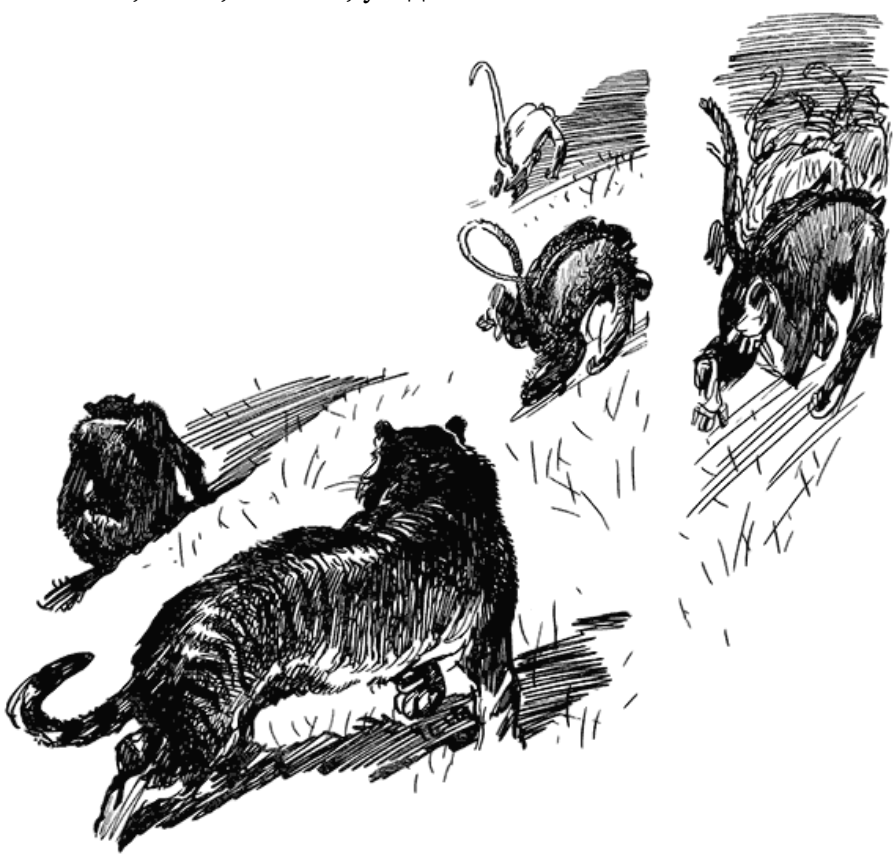
них сок. Они делали это с таким старанием и причмокивали так аппетитно, что часовой мастер завистливо прошептал:

— Если бы у меня были такие зубы! — и вздохнув, пощупал свою челюсть.

Некоторые обезьяны, насытившись, сидели и лежали на траве и благодушно урчали. Одна из них на трёх лапах тащила куда-то сопротивляющегося детёныша. Четвёртой лапой она довольно грубовато держала его за шиворот, не придавая никакого значения его визгу. Детёныш барахтался и вопил так пронзительно и с таким упоением, как это делают некоторые дети ещё и в наше время. Его вопли походили на нечто среднее между визгом поросёнка и криками капризного первоклассника.

Обезьяне-мамаше, вероятно, надоели шумные стенания сына, она приподнялась на задних лапах и отвесила ему крепкий шлепок чуть пониже спины. Детёныш сразу умолк.

— Примитивное средство воспитания, — пробормотал Великанов, — но, кажется, убедительное…



И вдруг обезьяны стремительно, в несколько мгновений взлетели на деревья. Все, кроме одной, той самой, которая грызла свой орех слишком далеко от пальм. Дорогу наверх ей отрезал

огромный полосатый тигр. Он появился на поляне так нежданно и быстро, словно вырос из-под земли.

Обезьяна на четвереньках пятилась к скалам, в то время как её сородичи подняли на ветках оглушительный тревожный галдёж. Тигр не обратил на их крики ни малейшего внимания, его глаза неотрывно следили за попавшей в западню обезьяной. Красивая полосатая кошка величиной с лошадь разлеглась на мокрой траве, громко мурлыкая и постукивая по земле сильным хвостом. Тигр не спешил схватить добычу, он играл с ней, как кошка играет с мышью.

— Надо спасти обезьянку! — горячо зашептала Муха. — Товарищ Великанов, придумайте что-нибудь! Ну, пожалуйста, я вас очень прошу!

— Это невозможно, — вздохнул он. — Впрочем, если ты согласна предложить тигру себя вместо обезьяны…

— Вы шутите, а мне её очень жалко! — на глазах Мухи выступили слёзы.

— Если жалеть всех животных, которых сожрали хищники древнего мира, не хватит океана слёз, дорогая Муха! Но погоди, может быть, эта бедная обезьянка в полтора человеческих роста сама найдёт выход из, прямо скажем, критического положения…

Обезьяна допятилась до отвесной скалы, упёрлась в неё хвостом и поднялась на задние лапы. Казалось, она приготовилась грудью встретить смертельного врага.

— Ага! — тихонько воскликнул часовой мастер. — Молодчина! Она приготовила передние конечности для борьбы! Посмотри, Муха, это волосатое страшилище стало походить немного на человека! Ну, конечно же, на человека! Хотя, пожалуй, для человека у этой обезьяны ещё слишком длинные руки и почти совсем отсутствует лоб…

— Да помолчите! — страдальчески прошептала Муха. — Лучше давайте придумаем, как её спасти!

— А тебе не кажется, что нам следует подумать, как спасти себя? Впрочем, тигр вряд ли сможет просунуть свою огромную башку в это круглое отверстие, куда с трудом могли влезть даже такие тоненькие и изящные существа, как мы с тобой!

Обезьяна явно не хотела сдаваться без боя. Она смотрела на тигра, ощеряя пасть, и угрожающе ворчала. Это был мощный

самец, в котором угроза смерти вызывала не страх, а ярость. Шерсть дыбом поднималась на его плечах и загривке. Узенькие глаза самца побелели от ярости. А тигр медлил, только его гибкий хвост, увенчанный метёлкой волос, бил о землю всё чаще и чаще. Обезьяна согнулась, как сгибается борец на арене, ожидая нападения противника. Её длинные передние лапы теперь касались больших тяжёлых камней, густо рассыпанных у подножия скалы. Это был крепкий гранит, обвалившийся на поляну в ещё более древние времена, в пору какого-нибудь землетрясения.

Всё, что произошло следом за этим, было настолько быстрым и неуловимым для человеческого глаза, что Муха скорей догадалась, чем увидела, как обезьяна подхватила с земли огромный, тяжёлый камень и обрушила его на голову прыгнувшего тигра. Полосатый хищник, отброшенный в сторону бешеным ударом самца-обезьяны, упал на бок с размозжённым черепом и засучил лапами. Фонтаном на траву брызнула кровь.

Поражённые Муха и Великанов не смогли промолвить ни одного слова. Они молча смотрели, как самец всё ещё стоит, полусогнувшись, с камнем в передних лапах, и остервенело рычит на поверженного хищника. Может быть, он всё ещё не был уверен, что его враг убит.

— Ура! — наконец негромко выдохнул Великанов. — Я предвидел, что это получеловекообразный урод найдёт выход! Но что руководило им? Инстинкт самосохранения или зачатки разума? А может быть, и то и другое? Почему он схватил в передние конечности такой тяжёлый камень? Кто мне ответит на

этот вопрос?

— Не говорите так громко, иначе обезьяна услышит вас, — сказала Муха. — Смотрите, как она разглядывает камень, которым убила тигра!

— Она не только рассматривает, но даже нюхает его!

— И лижет!

— Совершенно правильно! Кажется, обезьяна уверена, что с тигром расправилась не она сама, а кусок гранита! Чего доброго, она подумает, что это какой-нибудь особенный камень! Так и есть! Смотри, Муха, обезьяны спустились с деревьев и тоже рассматривают камень! Они даже не интересуются убитым тигром! Я думаю, что эта бесформенная глыба гранита потрясает их тупое воображение больше, чем в своё время человека потрясло первое ружьё.

Действительно, сгрудившиеся вокруг самца обезьяны, гортанно воркуя, со всех сторон тянулись к удивительному камню. Может быть, впервые за всю свою полную опасностей жизнь, они увидели, как был побеждён их лютый враг, но тёмный мозг ещё не мог понять, что не камень сам по себе сделал это, а их сородич, воспользовавшийся камнем, как оружием. Одна из

обезьян даже попыталась выхватить камень из лап самца, но он зарычал так грозно, что все обезьяны испуганно шарахнулись в разные стороны.

— Уроды! — беззлобно выругался Великанов. — Вокруг валяются десятки таких же камней! Пошевелите же своими куриными мозгами! Однако интересно, что будет делать со своим камнем наш красавчик? Он-таки не хочет выпускать его из рук… прошу простить — из своих передних конечностей, потому что до рук ему ещё очень далеко… Ну, думай, думай, красавчик, если у тебя уже есть чем думать!

Самец сидел на корточках, любовно раскачивая кусок гранита с такой лёгкостью, словно это был резиновый мяч. Сейчас самец чуточку походил на футбольного вратаря, поймавшего мяч на линии ворот. Думал ли он о чём-нибудь? Глаза его бессмысленно моргали, не выражая никаких чувств. Может быть, устав, он внезапно с силой опустил камень на валяющийся в траве пальмовый орех.

Орех громко треснул.

Услышав треск, обезьяны умолкли и насторожились. Самец с любопытством наклонил на бок голову, торопливо отложил камень и поднял треснувший орех. Белый молочный сок стекал по его волосатым лапам.

Обезьяны снова громко и бессвязно заворковали. Самец легко разломал орех и, как из чашки, выпил из него сок.

— Так, так, — забормотал Великанов, — а что ты будешь делать дальше, красавчик?

Самец подхватил свой камень и ударил по другому ореху. На этот раз его постигла неудача: удар оказался слишком сильным, и вся скорлупа вместе с брызгами белого сока разлетелась в разные стороны.

— Ничего, ничего, милый, — бормотал довольный Великанов, — такие неудачи случаются даже с некоторыми людьми, если они не умеют рассчитывать свою силу… Главное, понял, что камень в твоих титанических лапах может стать орудием труда! Вот что самое главное, милый! Я сам испортил не меньше десятка часов, прежде чем научился чинить их! Не огорчайся, красавчик!

Но «красавчик» и не думал огорчаться. Он с упоением разбивал орех за орехом и всякий раз неудачно.

— Это невыносимо! — воскликнула Муха. — Давайте покажем обезьянам, как следует колоть орехи.

— А ты уверена, что вместе с орехами они не расколют наши головы?

— Не… знаю… Но ведь мы не сделаем им никакого вреда, —

неуверенно сказала она.

— А на каком языке ты им это объяснишь? На русском? Или на английском? Хау-дую-ду, мисс обезьяна, меня зовут Муха, я родилась спустя десять тысяч веков после вас, давайте играть в салочки!

Муха обиделась и промолчала. Впрочем, она сейчас же забыла о своей обиде, увлечённая происходящим на поляне. А там творилось нечто невообразимое. Одна из обезьян, наконец, сообразила, что камень, которым действует «красавчик», совсем не камень преткновения. Подхватив такой же кусок гранита, она начала колоть орехи столь же старательно и столь же бессмысленно, как и её сородич. А через несколько секунд камнями вооружились все обезьяны, и поляна загремела от треска.

— Крушите, милые уроды! — потирая руки, говорил часовой мастер. — Действуйте, волосатые красавчики! Я уверен, что от лап до рук вас отделяет значительно меньше времени, чем можно

было подумать! Вот что означает сила примера! Недаром даже в наше время ещё говорят — «подражает, как обезьяна»! Важно перенимать опыт! Может быть, именно поэтому потомки вот этой самой породы обезьян станут в своё время вполне разумными существами, то есть людьми! Ведь подражать — это значит использовать чей-то опыт!

— Не понимаю, чему вы радуетесь, — сказала Муха. — Обезьяны орудуют, как глупые мальчишки, когда им вдруг захочется покуралесить. Уж я-то видела это не раз и в школе и в нашем дворе…

— Погоди, Муха, дай срок, и они всему научатся! Был бы только пример.

— Ой, смотрите! — вскрикнула она, и её чёрные глаза-колодцы радостно блеснули. — Самым сообразительным оказался детёныш: он очень осторожно раскалывает орехи… Смотрите, смотрите, он высасывает из ореха сок!

— Не думаю, чтобы он оказался сообразительней своих родителей, — помедлив, сказал Великанов. — Так и есть, у него не хватает силы поднять камень над головой… Видишь, он с

трудом приподнимает его только до колен и аккуратненько ударяет по ореху. Хорошо, малыш! Орех трескается, но не разлетается!

Так, так… Кажись, его работой заинтересовались большие верзилы… Оказывается, в доисторические времена бывали случаи, когда яйца учили кур! Но ведь не это важно… Главное, как я уже сказал, в полезном примере. Ну что ж, верзилы, перенимайте опыт малыша!

И действительно, словно услышав тихое бормотанье часового мастера, обезьяны начали колотить по орехам значительно осторожней. Они смешно подражали детёнышу, неуклюже приподнимая камни не выше своих колен.

Муха расхохоталась, прикрывая рот ладошкой.

— Ты смеёшься, Муха, — вдруг серьёзно и торжественно сказал Великанов, — а между тем мы с тобой стали свидетелями одного из величайших чудес на нашей планете! Мы видели, как начал строиться мостик от обезьяны к человеку! Пусть это ещё очень слабый мостик, и ещё пройдут века, прежде чем обезьяна станет первобытным человеком. Но мы уже видели, как труд, пусть самый незадачливый, вызвал у этой породы обезьян первые проблески человеческого сознания. Мы видели, как труд начал создавать ***человека***.

— Но ведь не каждая обезьяна станет потом человеком, — сказала Муха.

— Конечно! Все знают, что на Земле и в наше время обитают обезьяны, остановившиеся в своём развитии. Но ведь я говорю только об определённых породах обезьян!

Отчаянный вопль на поляне прервал рассуждения часового мастера. Муха вздрогнула и страдальчески скривилась.

— Какое несчастье! — Она сжала руку часового мастера. — Детёныш уронил камень на свою ногу…

— Не на ногу, а на лапу, — спокойно поправил Великанов.

— Ну, пусть на лапу, — быстро говорила Муха, кривясь так, будто камень свалился на её собственную ногу. — Что делать?

Скажите, что делать?

— Ничего не делать…

— Из его лапы льётся кровь!

— Польётся и перестанет.

— Но ведь ему больно!

— Поболит и перестанет!

— Как вам не стыдно, товарищ Великанов! Вы жестокий человек! Надо помочь бедному детёнышу!

— Не надо помогать детёнышу, тем более, что на его истошные крики не обращает внимания даже мамаша.

— Он изойдёт кровью и умрёт!

— Гм… Если он издохнет, его никто не похоронит, а его труп сожрут первобытные звери или птицы.

— У вас чудовищный характер! — возмущённо и громко сказала Муха. — И это вы говорили мне, что у человека должно быть доброе сердце и ум!

— Ум подсказывает мне, что мы бессильны помочь детёнышу, а доброе сердце заставляет беречь тебя от опасности…

Он хотел ещё что-то прибавить, но Муха в это время рыбкой выскользнула в круглое отверстие и стремглав бросилась к вопящему детёнышу.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ, в которой Муха и Великанов знакомятся с человеческими предками

— Безумная! — заорал Великанов, срываясь с баса на дребезжащий дискант и высовывая в отверстие голову с торчащими в разные стороны пучками белых волос. — Вернись немедленно!

Муха споткнулась о ногу убитого тигра, растянулась на траве и быстро вскочила. Обезьян словно ветром сдуло с поляны, они, как ракеты, взлетели на пальмы вместе с орудиями своего труда, с которыми, судя по всему, им было жаль расставаться.

В другое время Муха подивилась бы силе и ловкости обезьян, взбирающихся на деревья с такой тяжестью. Но сейчас всё её внимание было занято страдающим детёнышем, который не смог сдвинуться с места из-за разбитой лапы.

— Что она делает! Что она делает! — стонал часовой мастер и, вдруг махнув в отчаяньи рукой, выбрался на траву, ловко перепрыгнул через тигра и бегом ринулся за Мухой.

Она подошла к детёнышу, который сразу же умолк, увидев её. Жёлто-зелёные глаза обезьяны, не мигая, уставились на девочку. Её появление не вызвало в детёныше страха, скорее его охватило любопытство. Как все малыши, он был очень доверчив, этот мохнатый ребёнок, которого ещё не научил жизненный опыт подозревать опасность во всяком незнакомце. Но желание познать новое, свойственное всем без исключения обезьянам, было в нём столь велико, что он даже забыл о раненой лапе. Во все глаза смотрел детёныш на неведомое животное с чёрными косичками, которое торопливо разрывало фартук, приготовляя бинт. Обезьяны в это время что-то тревожно лопотали на пальмах.

— Бедненький, — ласково сказала Муха, — кровь продолжает сочиться из твоей лапки. Сейчас я сделаю перевязку, и тебе не будет так больно.

Услышав её голос, обезьяны наверху умолкли.

— Нелепейшее занятие! — сердито бормотал за её спиной часовой мастер. — Эти медицинские чудачества в доисторическую эпоху вызывают смех! Никогда мне не было так смешно, как сегодня! Я просто умру от хохота, если те верзилы на пальмах не забросают нас камнями!

Не обращая внимания на его бормотание, Муха осторожно

забинтовала лапу детёныша.

— Не дрожи так, глупыш, — говорила она, поглаживая его по мягкой шерсти. — Видишь, как хорошо всё получилось! Скоро ты будешь совсем здоровым и перестанешь хромать…

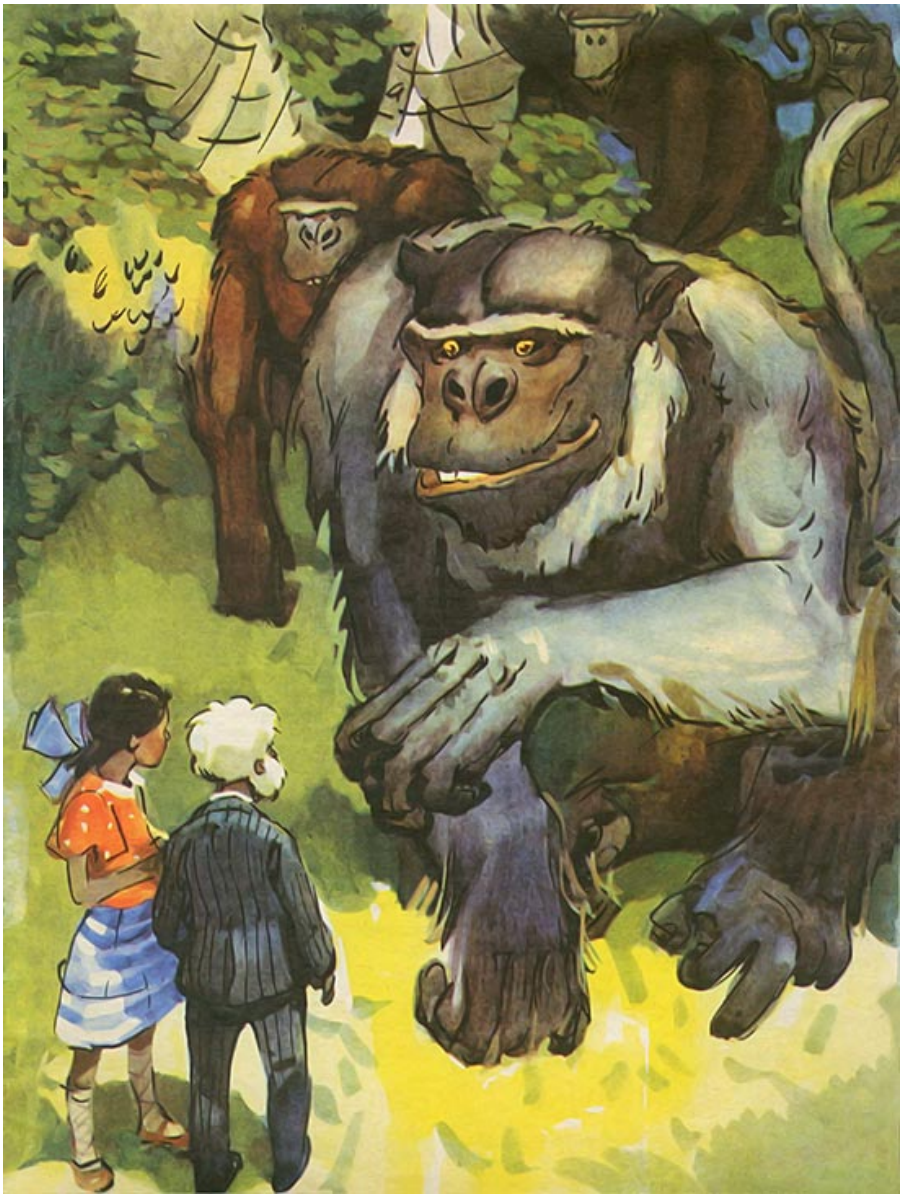
— И пойдёшь в детский сад под названием «Древние ископаемые», — прибавил часовой мастер.

Муха нежно подняла детёныша, точно так, как все девочки поднимают больших кукол, и неторопливо отнесла его к пальмам. Обезьянка, мастерски орудуя тремя здоровыми лапами, быстро вскарабкалась по стволу на ветки, где её подхватила явно обеспокоенная мамаша.

Обезьяны снова шумно залопотали на своём бессвязном языке. На этот раз они, казалось, были довольны.

— Всё, Муха, — сказал решительным тоном Великанов, хватит на сегодня опытов, от которых кровь стынет в жилах. Нам с тобой ещё предстоит трудная обратная дорога, давай торопиться… Ай!.. — вдруг вскрикнул он сразу осипшим голосом и попятился.

Перед Мухой и Великановым выросла трёхметровая фигура обезьяньей мамаши. Она стояла на задних лапах, чуть сутулясь, с камнем, прижатым к груди передней лапой. Другую переднюю лапу она протягивала к Мухе.



Никакого чувства не отражалось в её тусклых жёлто-зелёных глазах. Пасть обезьяны беззвучно ощерялась, обнажая крепкие клыки и розовые дёсна.

— Похоже, она пришла поблагодарить тебя, — переводя дыхание, прошептал часовой мастер. — Странно, очень странно, никогда не думал, что такие тонкости знакомы древним ископаемым…

Побледневшая Муха робко проговорила:

— Здравствуй…

— Хр… — ответила обезьяна, ощеряясь ещё больше.

— Я не понимаю тебя…

— Хр-хр… — пояснила обезьяна.

— Всё равно мне это непонятно.

— Хр…

— Так мы ни до чего не договоримся, милая, — сказала Муха и погладила её мохнатую лапу. Обезьяна вздрогнула и отдёрнула лапу.

— Хр-хр-хр, — произнесла она, по-видимому, какое-то многосложное предложение.

Муха рассмеялась. И вдруг в ответ девочка услышала смех. Необычный, булькающий, словно обезьяна давилась водой, но совершенно отчётливый смех.

— Это феноменально! — взвизгнул часовой мастер.

Продолжая булькать, обезьяна сделала шаг к Мухе и опять протянула лапу.

— Да ведь она тянется к остаткам твоего фартука! — сообразил Великанов. — Чёрт возьми, в этом чудовище пробудилось женское кокетство! Она хочет, чтобы ты ей соорудила, как и детёнышу, браслет из бинта! Но что мы будем делать, если такие браслеты потребует всё стадо верзил? Тогда нам придётся возвращаться домой голыми!

— Я с удовольствием завяжу бантик на твоей лапе, милая, — весело сказала Муха, — фартук большой, и его, наверно, хватит на всё стадо.

Часовой мастер не ошибся: браслеты захотели иметь все обезьяны. Словно скользящие тени, слетали они по ровным стволам пальм на поляну и просяще протягивали лапы Мухе и Великанову. Огромные, мохнатые, тёмно-коричневые, они тесно сгрудились вокруг странных низкорослых существ, вызывающих в них необычный, незнакомый им доселе трепет. Каждая из этих человекообразных обезьян могла бы в несколько мгновений растерзать обоих пришельцев из далёкого, как звёзды, будущего мира, но ни одна из них даже случайно не оцарапала Муху и Великанова своими острыми когтями. Они вздрагивали и замирали, когда люди прикасались к ним, и довольно сопели и хрюкали, когда на лапах появлялись белые повязки. Они нюхали их и пробовали на вкус, толкались, разглядывая повязки на лапах соседей, и даже приплясывали на одном месте, как приплясывают маленькие дети.

Вероятно, на более поздней стадии своего развития, став первобытными людьми, они приняли бы Муху и Великанова за двух богов или двух колдунов, но они ещё не стали людьми, хотя уже и не были просто животными. Не столько сознание, сколько инстинкт нашёптывал извилинам их несовершенного мозга, что перед ними существа высшего порядка, и они невольно трепетали и благоговели перед этими существами, так похожими чем-то на них, на обезьян.

Фартука на «браслеты» не хватило. В ход пошли носовые платки, косынка Мухи, галстук Великанова и, наконец, носки. Но и этого оказалось мало.

— Я говорил, что эти верзилы пустят нас по миру! — громко проговорил совсем осмелевший Великанов. — Так и быть, я ещё пожертвую на ваши украшения подкладку своего пиджака. Только не толпитесь, пожалуйста, так близко, красавчики! Я подозреваю, что вы сегодня забыли принять душ, и от вас весьма дурно

пахнет…

— Не говорите с ними так грубо, всё-таки они будущие люди, — сказала Муха. — Мне кажется, они понимают интонации человеческого голоса.

— А это мы сейчас проверим, — усмехнулся Великанов, завязывая бантик на лапе последней обезьяны, и громко стукнул в ладоши. — А ну-ка, любезные предки, прошу вас занять свои места на пальмах!

Обезьяны отпрянули.

— Поживей, поживей, уважаемые! — наступал на них маленький часовой мастер, постукивая своими ладошками.

Обезьяны нехотя поднялись на пальмы, но мамаша детёныша, прежде чем подняться по стволу, всё-таки недовольно зарычала. Может быть, ей было грустно расставаться с Мухой.

— А теперь в путь, — сказала девочка, — я хочу есть и почти падаю от усталости.

Обратный путь через девственные заросли древнего мира им показался втрое тяжелей. Но Муху радовало, что над их головами, неотступно шурша густой зеленью, двигались невидимые в вышине обезьяны с белыми повязками на одной лапе и с камнями в другой. У самой реки, когда обессиленные путешественники в нескольких метрах от себя увидели огромную змею с шипящей пастью и Великанов про себя простился с жизнью, произошло удивительное. Водопад гранитных камней обрушился на змею с вершин деревьев и захоронил её, перебитую и расплющенную, в гранитной могиле.

— Спасибо, предки! — смог только прошептать часовой мастер.

— Спасибо, милые! — сказала Муха и помахала им рукой. — Я буду всегда вас помнить. Вот у кого доброе сердце, товарищ Великанов!

— Я посрамлён, Муха, — сказал он серьёзно, — но если рассуждать строго, то доброе сердце не у них…

— А у кого?

— У тебя, дорогая Муха! А что касается обезьян, то они по-

своему ответили на твою ласку. В сущности, это не представляет чего-нибудь исключительного: почти все животные очень отзывчивы на ласку. А я, старый болван, забыл об этом!

— Ну зачем же вы так корите себя, — смутилась Муха, — мы оба делали им браслеты, и ваш пиджак пострадал больше всего.

— Дело совсем не в пиджаке… Ты оказалась не только доброй, но и смелой девочкой. А это черты благородного характера.

Муха улыбнулась.

— Не надо меня перехваливать. Мама говорит, что дети портятся, когда их перехваливают.

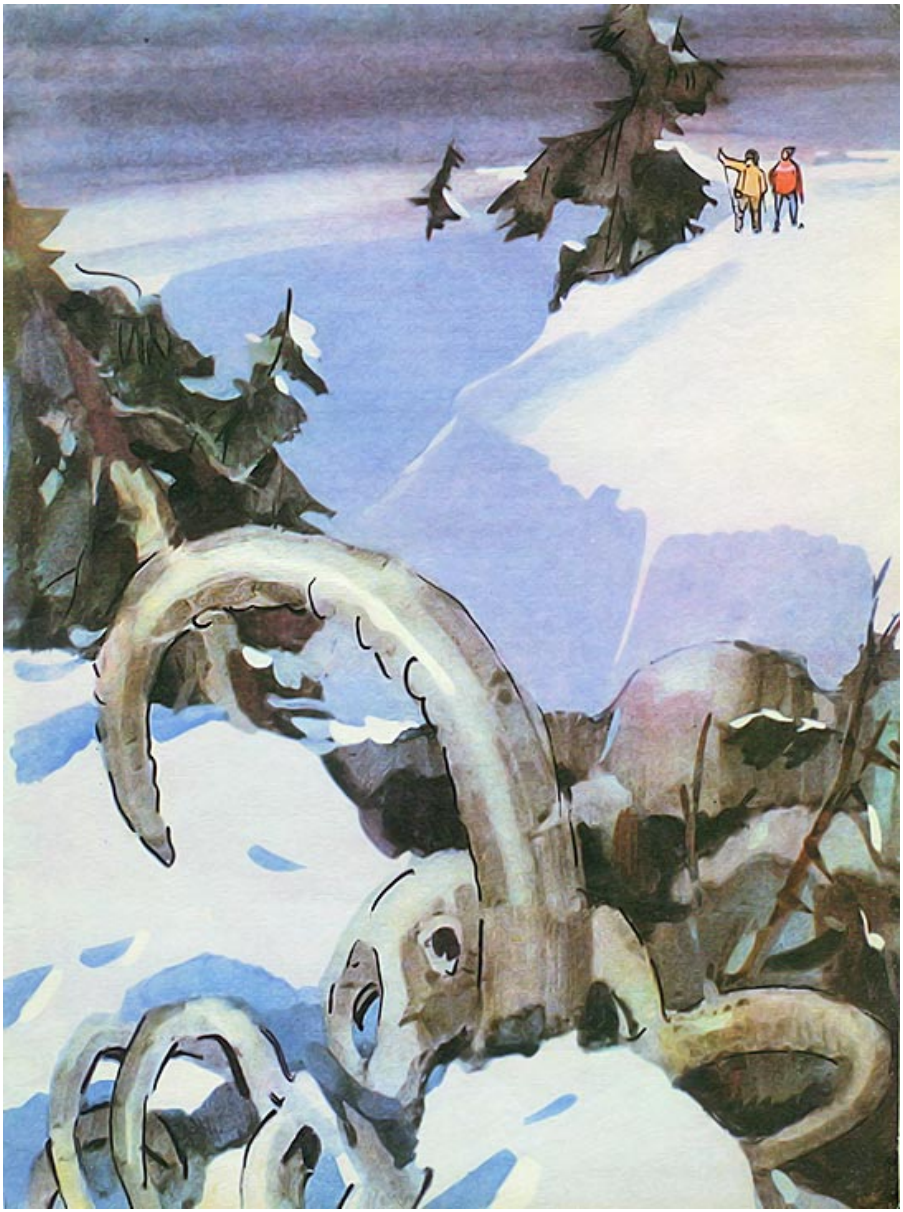
— У меня свои взгляды на эти вещи. Похвала может испортить только дурака! Так случается не только с маленькими, но и со взрослыми. Кстати сказать, я ведь уже говорил тебе, что взрослые только притворяются, будто они не дети…

Часы веков тикали всё громче. А когда путешественники вошли в заросли папоротников, Муха услышала, как часы мелодично прозвенели:

— Бо-о-о-ммм…

— Что означает этот звон? — спросила она.

— Это означает, Муха, — сказал он, — что на земле кончилась доисторическая эпоха и начался каменный век, чему я и ты будем свидетелями. С этого времени на многие тысячелетия, даже больше этого — на многие десятки тысяч веков, камень станет неразлучным спутником двуногого существа. Я сказал бы, что «каменный век» — неточное название: ведь это величайшая эпоха в истории человека. Земля много раз будет менять свой облик и свой климат, будут подниматься и опускаться целые континенты, реки находить новое направление, исчезать моря и вырастать горы, огромные ледники будут наступать на континенты и снова отступать, вымрут многие животные и растения и появятся новые, а двуногое существо, освободившее передние конечности для труда, будет жить и развиваться… Мы ещё посмотрим с тобой, Муха, как человекообразная обезьяна станет настоящим человеком!



Она хотела что-то ответить, но в это время почва под их ногами как-то странно поплыла и закачалась, и глухой гул донёсся до них из глубины земли.

— Дело плохо! — быстро сказал часовой мастер. — Как бы нам не провалиться в тартарары! Землетрясения в эту эпоху довольно обычное явление… Бежим, Муха!

А земля под их ногами уже выла и гремела.

Высокие папоротники ползли мимо, падали и с треском ломались. Откуда-то сверху с нарастающим шумом катилась лавина камней.

Задыхаясь от бега, они влетели в расщелину скалы и упёрлись в заднюю дверцу волшебных часов. Муха распахнула дверцу и протиснулась между маятником и боковой стенкой часов в столовую. Здесь всё было так же, как и прежде. Кошка, свернувшись, спала в кресле. Через открытое окно слышался гул реактивного самолёта.

— Я приду завтра утром, — сказал часовой мастер, — до свидания.

Муха слышала, как за ним захлопнулась наружная дверь. А она всё ещё стояла посреди столовой, тяжело дыша, и никак не могла опомниться.

— Тик-так, — спокойно стучали за её спиной часы веков, — тик-так…

Её сердце стало биться ровней, но всё тело ныло от страшной усталости, веки отяжелели, и поднимать их становилось трудно.

«Спать, — подумала она, — скорее спать…»

ГЛАВА ПЯТАЯ,
в которой родители Мухи очень беспокоятся о её здоровье

Муха проснулась, потому что услышала тихие голоса родителей, вернувшихся с работы. Но она не открыла глаз и лежала неподвижно.

— Ты думаешь, она бредит? — спросил отец, склоняясь над ней.

— Да, — ответила мать. — Это какой-то странный бред… Очень странный!

— Что ты слышала?

— Я даже не смогу тебе всего передать. Какие-то обезьяны… И, кажется, змеи…

— Начиталась какой-нибудь книги.

— Нет, тут что-то другое…

— Что?

— Ты посмотри на её платье!

— Кошмар! — вздохнул отец. — Где она была?

— Я уверена, что она сегодня не выходила из дома.

— Но где же она так разукрасила платье?

— Ума не приложу.

— А не подралась ли она с мальчишками из нашего двора? У нас во дворе дети ведут себя возмутительно! Да она и сама, как мальчишка!

Муха открыла глаза и сказала, зевая:

— В сущности все люди — дети. И маленькие и взрослые.

Родители остолбенели в тех позах, в которых их застали столь неожиданные слова дочери.

— Что это за ересь, Муха? — наконец спросил отец, недоуменно взглянув на жену.

— Это не ересь, папа, — продолжала Муха неторопливо. — Взрослые только напускают на себя солидность, хотя на самом деле им очень часто, так же, как и детям, хочется прыгать, играть и дурачиться. Они просто притворяются, что они уже не дети. Они думают, что становятся величественным от того, что ходят,

задрав нос и сжав губы.

Мать расхохоталась и села на кровать дочери.

— А ты знаешь, — начала она, обращаясь к мужу, и её такие же чёрные, как у Мухи, глаза озорно блеснули, — наша дочь не лишена остроумия. Разве ты не любишь дурачиться? А мне самой очень часто хочется играть и прыгать! И потом ещё: разве ты, мой миленький, немножко не задираешь нос? Особенно после того, как тебя назначили на работе начальником?

— Ересь! — упорствовал отец. — Как тебе не стыдно говорить все эти нелепости при ребёнке? Она уже и так перестала с уважением относиться к взрослым.

— Не думаю. Машенька достаточно умна…

— Она и меня не уважает, — с обидой в голосе сказал отец.

— Я тебя люблю, папа! — воскликнула Муха. — Но согласись, величие человека зависит не от того, как высоко он задирает нос.

— Может быть, ты объяснишь нам, в чём заключается величие человека? — иронически спросил отец.

— В уме и добром сердце, папа!

— Попробуй ей возразить! — воскликнула довольная мать.

Отец смущённо кашлянул.

— Ну допустим, что это так… Но почему ты думаешь, что у взрослых нет ума и доброго сердца?

— Я совсем не думаю так, папа. Мне просто кажется, что ум и доброе сердце не всегда зависят от того, сколько человеку лет и какого он роста.

— Даже если человек качается в люльке? — усмехнулся отец.

— Зачем же брать крайности? — покачала головой мать. — Неужели ты не понимаешь, что Машенька не имеет в виду новорождённых? А вот я поняла её правильно: как только человек становится сознательным, он должен стремиться всё делать с умом и с добрым сердцем. В этом и заключается человеческое величие или, если хотите, отличие человека от несознательных животных, которыми руководит один инстинкт.

Муха подумала, что мать, как обычно, объяснила всё удивительно ясно и просто, и с нежностью взглянула на неё. А она, увидев полные теплоты глаза дочери, ответила ей таким же взглядом и ласково потрепала Муху по щеке.

— А теперь, доченька, расскажи нам, что произошло с твоим платьем.

— Я порвала его, мамочка, в доисторическом лесу, — сказала Муха.

Отец издал горлом какой-то странный звук.

— Где? — спросила мать, бледнея.

— В доисторическом лесу… А из фартука я сделала бинт,

чтобы перевязать рану на лапе человекообразной обезьянки.

Отец и мать встревоженно посмотрели друг на друга.

— Деточка, — дрогнувшим голосом заговорила мать, — скажи мне правду, у тебя не болит головка?

— Нет, мамочка…

— Ты куда-нибудь выходила из дома сегодня?

— Нет… то есть, да…

— Куда?

— В доисторическую эпоху…

Это было очень жестоко с её стороны, и Муха пожалела, что так сразу, без всякой подготовки, выпалила всё обеспокоенным родителям. Ведь они могут подумать, что она не в своём уме.

— Пожалуйста, не подумайте, что я сумасшедшая, — сказала Муха мягко, — но всё, что я говорю, правда…

— Перестань дурачиться, Муха, — строго сказал отец, — всяким шуткам бывает предел!

Он стоял перед ней, высокий, плечистый, в хорошо выглаженном клетчатом костюме, и его чуточку выпуклые серые глаза смотрели на неё сквозь стёкла больших роговых очков с нескрываемой тревогой. Муха вдруг подумала, как выглядела бы человекообразная обезьяна, если бы на неё надеть такой костюм и очки? Интересно, стала бы она похожей на человека? Конечно, нет! Её длинные передние лапы высовывались бы из рукавов, а очки придали бы морде очень смешной вид…

— Почему ты улыбаешься, Машенька? — спросила мать, не сводя с неё глаз.

— Я представила, мамочка, какой красоткой была бы обезьяна в папином костюме.

— Это уже похоже на издевательство! — с сердцем сказал отец.

— Зачем ты нас огорчаешь, детка? — покачала головой мать. — Расскажи нам лучше, какой тебе приснился сон про обезьян, и мы успокоимся.

— Мне не снилось никакого сна, мама. Я взаправду побывала в доисторической эпохе!

— У неё продолжается бред! — сказал отец. — Надо вызывать врача!

— Бред? — вскрикнула Муха, вскакивая с кровати. — Хорошо, в таком случае, папа, подойди к часам в столовой и открой заднюю дверцу.

— Какую дверцу? О чём ты говоришь?

— О второй дверце за маятником.

— Там нет никакой дверцы!

— А ты посмотри, посмотри! Я раньше тоже думала, что там

её нет…

Все трое молча направились в столовую. Отец твёрдыми шагами прошагал в угол комнаты, открыл стеклянную дверцу часов и заглянул внутрь деревянного футляра.

— Здесь действительно есть вторая дверца, — пробормотал он.

— Ага! — торжествующе воскликнула Муха.

— Странно, — бормотал он, — я не могу понять назначения этой дверцы… Наверно, она сделана для того, чтобы мастеру было легче чинить механизм.

— А ты открой её, папа!

Отец толкнул дверцу. Она открылась с резким скрипом и стукнулась о стенку комнаты. Муха ясно увидела за часами угол столовой, оплетённый давнишней, уже запылённой паутиной. Большой растревоженный паук бежал по стене, быстро перебирая тонкими ножками.

— Ну, и что же? — спросил отец.

— А там… дальше… больше ничего не видно? — упавшим голосом проговорила Муха.

— Видно…

— Что? — обрадовалась она.

— Видно, что у нас запущенная квартира. Вместо того, чтобы болтать глупости, ты бы почаще сметала пыль и паутину!

Муха пошла в кухню за веником, а когда возвращалась обратно, услышала, как мать говорила отцу:

— Ты уж будь с ней сегодня поласковей, девочке приснился страшный сон, и она до сих пор не может прийти в себя.

Муха старательно обмела угол за часами, надеясь втайне обнаружить какие-нибудь следы выхода в древний мир. Она даже постучала пальцем в стенку. Стенка была крепкой, каменной, и было бы просто глупо убеждать родителей, что она видела здесь зелёные папоротники.

И вдруг Муха радостно рассмеялась.

— Папа! Мамочка! Да ведь часы-то стоят!

— Что с тобой, детка? — обеспокоенно сказала мать. — Часы стоят уже пятнадцать лет! Разве ты забыла об этом?

Муха было открыла рот, чтобы рассказать о маленьком часовом мастере Великанове, но запнулась. Чего доброго, родители запретят впускать его завтра в квартиру, а ей так хотелось заглянуть в глубь веков хотя бы ещё один разок!

Но имеет ли она право молчать? Не будет ли это обманом? Её начали мучать угрызения совести. Она никогда не говорила родителям неправду.

А может быть, не говорить о чём-нибудь — это ещё не обман? Может быть, обман — это только тогда, когда говоришь неправду?

Муха поужинала, размышляя над этим сложным вопросом, но так ничего и не решила. Однако на душе у неё было прескверно. Прежде чем заснуть, она долго ворочалась в постели. И родители не спали, с тревогой прислушиваясь, как звенят пружины в её матраце.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой часы веков снова начинают стучать

После того, как отец и мать ушли на работу, Муха вымыла посуду, подмела пол и вытерла пыль с мебели. Муха очень торопилась, чтобы успеть всё сделать до прихода часового мастера. Её томило нетерпение, и, когда в передней прозвучал звонок, она со всех ног бросилась открывать дверь.

— Здравствуй, Муха-мушка, — сказал часовой мастер, — я очень спешил и чуть не расшиб лоб на вашей лестнице.

Он стоял перед ней на пороге с каким-то свёртком в руке, маленький, окружённый ореолом своих белых волос, от которых, казалось, исходит серебристое сияние.

— Здравствуйте, товарищ Великанов, — взволнованно заговорила Муха, — а часы веков опять остановились!

Он перебросил свёрток из руки в руку и пошёл в столовую, пританцовывая и напевая негромким баском:

Не идут часы никак—
И ни тик и ни так,
Но я знаю сделать как,
Чтоб ходили тик да так.

Великанов, как и прошлый раз, влез на стул и покопался в механизме, выбивая каблучком мелкую дробь. Потом он спрыгнул на пол и толкнул пальчиком золотистый маятник.

— Тик-так, — чётко и неторопливо заговорили часы, — тик-так, тик-так…

— Идут! — облегчённо вздохнула Муха. — А я так беспокоилась! Товарищ Великанов, а что в вашем свёртке и почему от него пахнет нафталином?

— В этом свёртке, дорогая Муха, некоторые приспособления, придуманные разумным человечеством для борьбы с холодом, а нафталином они пахнут для того, чтобы их не съела моль.

Он развязал свёрток. В нём оказались шубка, шапка-ушанка, валенки и тёплые перчатки.

— Я считаю, что ты должна прихватить для себя такое же снаряжение, если собираешься сегодня отправиться в древний мир, — сказал он Мухе.

— Но ведь там тропическая жара!

— Не уверен.

Она замялась.

— Но я… не спросила разрешения у мамы и папы… — сказала она и, что-то вспомнив, озадаченно посмотрела на часового мастера. — Ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос, товарищ Великанов…

— Я готов ответить на тысячу вопросов, дорогая Муха, если ответы на эти вопросы разгуливают по извилинам моего мозга в ожидании, когда я открою им ворота… Если же они не разгуливают…

— Вы говорите очень ***запутанно***, — перебила его Муха, — а у меня очень простой вопрос: обман или не обман не говорить правду?

— Гм… На мой взгляд, обман — это говорить неправду.

— А не говорить?

— Гм… Это значит не говорить неправду.

— А если не говорить правду?

— То есть говорить ложь?

— Нет, ничего не говорить.

— Ни лжи, ни правды?

— Нет, говорить, но не говорить правду.

— Гм… Или твои, или мои мозговые извилины пострадали от знакомства с человекообразными обезьянами. Ты сказала, что я говорю запутанно, а между тем я сам заблудился в дебрях твоего вопроса. Может быть, это происходит от косноязычия, которым страдают некоторые школьники, но я до сих пор не замечал у тебя такой болезни.

Муха обиделась.

— Вы сказали очень много слов, но я ничего так и не поняла…

— Но я тоже не понял тебя!

— Но у меня действительно очень простой вопрос… Я не рассказала про вас папе и маме. Хорошо это или плохо?

— Плохо, дорогая Муха! Очень плохо! Теперь мне ясно, что тебя беспокоит: ты утаила правду от родителей. Так?

— Так…

— Но раз тебя одолевают угрызения совести, значит, ты понимаешь, что утаить правду — это то же самое, что обмануть. Всегда полагайся на свою совесть: она очень точно разъясняет человеку, как он обязан поступать.

— Полагаться на совесть, — задумчиво повторила она, — странно, что мне в голову не пришла такая мысль раньше…

— Хочу обратить твоё внимание, Муха-мушка, на то, что человек, теряющий совесть, в одну минуту превращается в

животное! Собственно, совесть — один из главных признаков, которые отличают человека от животного.

— Я расскажу сегодня про вас папе и маме.

— Гм… Не убеждён, что это доставит им большое удовольствие, но уверен, что решение ты приняла правильное… А теперь, Муха, давай посмотрим, что происходит за второй дверцей наших часов…

Он распахнул дверцу, и в столовую широкими клубами повалил белый холодный пар.

— Там мороз! — вскрикнула Муха.

— Как видишь, я не напрасно рекомендовал тебе запастись тёплым обмундированием, — сказал часовой мастер, поспешно прикрывая дверцу. — С тех пор, когда мы побывали в древнем мире, минуло не мало тысячелетий, и природа там явно претерпела изменения. Одевайся, Муха, и в путь! Ну, что же ты медлишь?

В темноте мухиных глаз блеснули две молнии.

— Если там мороз и снег, — сказала она, улыбаясь, — значит, мы сможем путешествовать на лыжах! Больше всего на свете я люблю лыжи!

— Но у меня нет лыж, Муха…

— С прошлой зимы у нас в кладовке стоят лыжи моей двоюродной сестры. Мне кажется, они будут вам как раз впору.

— Великолепно, Муха! — Довольный Великанов потёр ладонь о ладонь. — Готов посостязаться с тобой в беге, несмотря на то, что ты в шесть раз моложе меня! Это будут первые лыжные соревнования в каменном веке!

Пока она доставала лыжи и переодевалась, он нетерпеливо расхаживал по столовой и напевал гулким басом:

Ах, куда, куда спешишь,
Пара лыж, быстрых лыж?
Современный человек
Мчит на лыжах в древний век!
Ах, куда ты угодишь,
Пара лыж, быстрых лыж?

Через четверть часа Великанов и Муха с некоторым трудом протиснулись между золотистым маятником и боковой стенкой часов. Ещё не улетучились окутавшие их клубы пара, а Муха уже почувствовала острый, холодный, ни с чем не сравнимый запах свежего снега. Она глубоко и с наслаждением вздохнула и зажмурилась от нестерпимого блеска сугробов. Это было совершенно поразительно — за несколько секунд из жаркого лета попасть в морозную зиму!

Они вышли в эту зиму прямо из снега: дверца волшебных часов, открываясь, разворотила высокий сугроб, и Муха увидела обратную сторону равномерно покачивающегося маятника. Густой пар скрыл от её глаз столовую, но она ясно слышала, как на кресле жалобно мяукает испуганная холодом кошка. Девочка поспешно захлопнула дверцу и огляделась.

Вокруг, насколько хватало глаз, лежала белая, искрящаяся в

лучах полуденного солнца равнина. Маленький часовой мастер в детской шубке уже стоял на лыжах впереди её, опираясь на широко расставленные палки. Шапка-ушанка смешно топорщилась на его голове, и на бороду свисали незавязанные тесёмки.

Муха стала на лыжи. На ней был зелёный спортивный костюм, и она подумала, что Великанову в шубе и валенках будет, пожалуй, трудно угнаться за ней.

Часовой мастер оглянулся, задорно подмигнул Мухе и сказал:

— Догоняй!

Он рывком оттолкнулся палками и стремительно побежал по сугробам. Было слышно, как он напевает в такт своим скользящим шагам:

Ах, куда, куда спешишь,
Пара лыж, быстрых лыж?

Муха рассмеялась и подхватила:

Современный человек
Мчит на лыжах в древний век!

Он сразу опередил её метров на сто. Кто бы мог подумать, что этот старичок бегает на лыжах, как мастер спорта?!

Расстояние между Мухой и часовым мастером всё увеличивалось. Издалека она уже с трудом разбирала слова его забавной песенки:

Ах, куда ты угодишь,
Пара лыж, быстрых лыж?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,
в которой выясняется, что по снегу можно ходить босиком

И вдруг Великанов остановился. Муха видела, как он воткнул лыжные палки в сугроб и присел на корточки. Когда она добралась до него, он всё ещё сидел, неподвижно разглядывая снег.

— Ну и ну! — выдохнула Муха, затормаживая бег и тяжело дыша. — Вы не Великанов, а Пеликанов!

— Кто? — рассеянно спросил он, даже не взглянув на неё.

— Пеликанов, — повторила она. — Есть такая птица — пеликан. А вы летаете на лыжах, как птица!

Остроумие Мухи, по-видимому, не произвело на него никакого впечатления.

— Погоди, — сказал он серьёзно, — ты видишь, что я обнаружил на этой ледяной площадке?

Она заслонила глаза рукой: солнце слепило её.

— След, — ахнула Муха.

— Да, след! — взволнованно сказал часовой мастер, поднимаясь. — Но какой след! Ты только подумай, Муха, что ты видишь!.. Это же след босого человека!

Только теперь до её сознания дошло, что на припорошенной снегом глыбе льда отпечатаны еле заметные пять пальцев и пятка правой ноги ***человека***. Судя по всему, в последние сутки здесь было очень тихо, снег падал лёгкий и нечастый и запорошил лёд, словно туман. И след стланного человека, ходящего по снегу босиком, выглядел неясным и неправдоподобным, как сон.

И всё-таки это был след!

— Ну, хорошо, — переводя дыхание и заражаясь его волнением, сказала Муха, — я вижу на льдине след правой ноги… А где же левая нога этого человека, если это человек?

— Ты очень невнимательная девочка! — сердито проговорил часовой мастер. — Так слушай… Скорее всего это не просто льдина, а выступающая из-под снега небольшая ледяная площадка гигантского ледника, который, может быть, протянулся под снегом на тысячи километров. Она совсем крошечная — эта площадка, и на ней отпечаталась поэтому только одна ступня. Тем более, что босой человек, как мне кажется, не ходит, а скачет… Видишь вот здесь провал в снегу? Это след его левой ноги… Он сделал прыжок — и вот мы видим на льду пять пальцев правой ноги… А дальше он снова провалился в снег! Ну, конечно же, через каждые шесть-семь метров в снегу видны провалы от его ног! Пойдём по следу, и мы скоро узнаем, какие спортсмены в каменном веке бегали босиком!

Муха молча повернула лыжи и побежала по следу.

— Не торопись! — крикнул часовой мастер. — Мы же не знаем характера этого босяка! Если это и человек, то во всяком случае — дикарь! Не ожидай, что он пригласит тебя на чашку чая…

Она нерешительно остановилась и спросила, помедлив:

— А что если… он людоед?

— Очень может быть!

— Но это же опасно!

— Конечно! — усмехнулся часовой мастер. — И я даже убеждён, что твои косточки ему придутся по вкусу больше, чем мои…

Муха вздохнула.

— Я начинаю думать, что иметь дело с человекообразной обезьяной приятней, чем с первобытным человеком.

— Не делай скоропалительных выводов, Муха… Но в какой-то степени ты не ошибаешься, потому что обезьяны никогда не потребляли в пищу мяса.

— Милые обезьяны!

— Опять ты торопишься с выводом! Современные учёные доказывают, что когда наши предки начали есть мясо, их мозг начал развиваться значительно быстрее.

— Только благодаря мясу?

— Нет, не только… Чтобы пользоваться оружием и орудиями труда, они были вынуждены освободить передние конечности. Для этого они поднялись на задних конечностях, а позвоночник из горизонтального превратился в вертикальный. Ты учила в школе, какое значение для организма человека имеет позвоночник. И вот, так сказать, освобождённый из согбенного положения позвоночник дал новый толчок развитию и нервной системы и головного мозга!

— Как всё удивительно зависит одно от другого! — сказала Муха.

— Как и всё в природе, дорогая Муха-мушка! Но обрати внимание, что эти превращения произошли лишь потому, что наши предки научились труду!

Они неторопливо скользили по снежной равнине, залитой океаном солнечного света. Было очень тихо. В прозрачном и чистом морозном воздухе слышалось только мягкое шуршание четырёх лыж да размеренное тиканье далёких часов:

— Тик-так, тик-так, тик-так…

— Странно, — задумчиво сказала Муха, — если бы не следы босого человека и если бы не тикали часы веков, можно было бы подумать, что мы вышли за город покататься на лыжах…

— Стой! — вдруг шепнул Великанов, хватая её за руку.

Снежная равнина неожиданно закончилась почти у самых ног лыжников. Они остановились на краю ледника, который длинными уступами, похожими на гигантские ступени, уходил вниз. Неслышно осыпался снег из-под лыж. Солнце искрилось в зеленоватых толщах льда. А внизу, в ста метрах от них, поднимался могучий кедровый лес, разрезанный глубоким оврагом. Панорама, открывшаяся их глазам, была величественной и необычной. Но не она приковала к себе их глаза. На нижнем уступе ледника, над самым оврагом, спиной к ним, стоял босоногий, волосатый человек!

Прошло несколько секунд, прежде чем опомнившийся Великанов с силой толкнул Муху в сторону от обрыва. Она упала за высоким обледенелым сугробом и, проломив тончайшую корочку льда, с головой зарылась в лёгкий, как пух, снег.

«Что вы делаете»! — хотела крикнуть возмущённая Муха, барахтаясь в снежном пуху, но Великанов зажал её рот ладонью и знаками дал понять, чтобы она не шевелилась.

Он лежал рядом с ней, осторожно высовывая голову из-за сугроба, и она слышала, как часовой мастер дышит прерывисто и часто.

— К счастью, босяк не заметил нас! — шепнул он, поворачивая к ней лицо. Из седых зарослей его головы на Муху смотрели округлившиеся, испуганные глаза. — Странно… Ведь у него, я думаю, чертовски острый слух… Наверно, его внимание занято чем-нибудь очень важным…

Муха выглянула из-за сугроба. Босоногий человек стоял неподвижно, как изваяние. Чем-то он ещё был похож на обезьяну — длинные руки и короткая шея с слишком маленькой уродливой головкой. Вот он пошевелился, Муха увидела его профиль с приплюснутым носом и сильными, выдающимися вперёд челюстями. Лоб почти отсутствовал на волосатом, словно усечённом, черепе, а на всём его теле, под густой тёмно-коричневой шерстью, угадывались могучие, как железные канаты, мускулы. Целое сплетение мускулистых канатов!

И всё-таки это был человек. Он твёрдо стоял на ногах, а его длинные руки были несомненно человеческими руками.

На уступе ледника перед ним вздымалась груда огромных камней — очень большая груда, пожалуй, она не уместилась бы на железнодорожной платформе. Муха с удивлением подумала, отчего камни не срываются в овраг с покатого и скользкого уступа ледника? Это казалось противоестественным. Но она скоро поняла, в чём секрет: камни удерживал широкий ствол какого-то дерева, укреплённый на самом краю уступа.

Босоногий человек чего-то терпеливо ждал, не сводя глаз с оврага, теряющегося где-то вдали, в дебрях кедрового леса. Какие мысли теснились в его маленькой черепной коробке? Зачем он скакал сюда по заснеженному леднику?

Время тянулось медленно, и Муха почувствовала, что её начинает прохватывать мороз. Она попробовала подвигать руками, но Великанов свирепо зашикал на неё. Теперь она раскаивалась, что вышла из дома в древний мир в лыжном костюме.

— Хорошо вам шикать, — обиженно шепнула Муха, — когда на вас шуба и валенки!

— Тсс… — прошипел он.

— У вас «тс», а у меня «бр»… Зуб на зуб не попадает.

— Тсс… — снова прошипел он и начал стаскивать с себя шубу.

— Не надо! — испугалась Муха, представив, как он будет лежать на снегу в своём лёгком детском костюмчике. — Мне уже стало тепло…

Великанов не успел ответить, потому что босоногий человек вдруг встрепенулся, вытягивая голову. Было похоже, что он к чему-то прислушивается. К чему? Как ни напрягала Муха свой слух, она ничего не услышала, кроме нежного шуршания осыпающегося то там, то тут молодого снежка.

Наконец и она что-то услышала — то ли стон, то ли вопль, неясный, как далёкое урчание грома. Вопль с каждой минутой приближался, и уже можно было разобрать, что он сливается из десятков воплей, мощных, резких и таких страшных, что у Мухи забилось сердце и по спине пробежали противные мурашки.

— Ы-ы-ы-ы-ы-ы… — летели крики из леса.

Что-то неясное, тёмное катилось по дну оврага. Босоногий человек на уступе ледника задвигался и присел, высунув голову из-за камней. Муха и Великанов ясно видели его сжавшуюся напряжённую фигуру.

Неясное и тёмное приближалось. Оно металось по дну оврага, делая странные, порывистые прыжки то вправо, то влево.

А наверху, по обеим сторонам оврага, бежали десятки босоногих, волосатых людей. Они подскакивали на бегу, размахивали своими длинными руками, размашисто швыряли в овраг тяжёлые глыбы камней. В морозном воздухе непрестанно гремел их жуткий вопль:

— Гр-ы-ы-ы-ы-ы… Гр-ы-ы-ы-ы…

— Гон! — с дрожью в голосе сказал Великанов. — Кажется, они гонят гигантского пещерного медведя. В наше время таких медведей нет, изредка при раскопках учёные находят их

невообразимые скелеты…

Это действительно был медведь. Но какой медведь! Может быть, только слон мог сравниться с ним!

Зверь заметно устал. Его прыжки под градом камней становились всё более неловкими. Из открытой пасти медведя по временам вырывался страдальческий хриплый рёв, заглушаемый таким же звериным воплем полулюдей-полуживотных:

— Гры-ы-ы-ы-ы… Гры-ы-ы-ы-ы-ы…

Муха вскрикнула. Два босоногих человека в азарте охоты столкнулись и в клубах снега рухнули с крутого обрыва на медведя. Девочке показалось, что они падают неестественно долго, неуклюже кувыркаясь в воздухе. На фоне огромной грязно-бурой туши зверя они выглядели совсем крошечными. Медведь отмахнулся от них когтистой лапой, как от мух, и два охотника погибли, отброшенные в сторону его ужасающим ударом. Их кровь брызнула на снег.

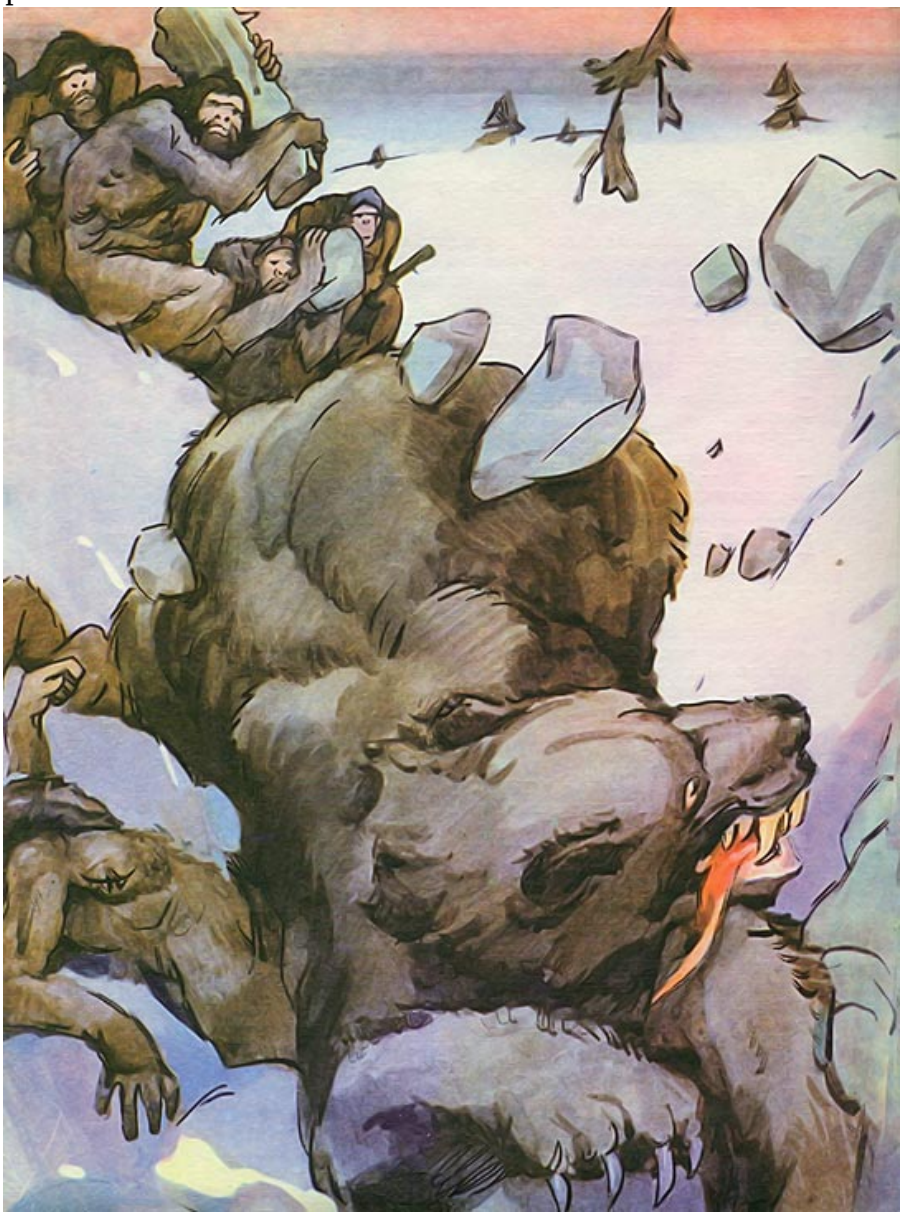
Гибель соплеменников не произвела на остальных охотников никакого впечатления. Они продолжали преследовать зверя с прежним упорством и яростью.

— Гры-ы-ы-ы-ы… Гры-ы-ы-ы-ы…

Овраг кончился, медведь был в западне. Он упёрся носом в ледник и, грозно рыча, поднялся на задних лапах. В эту минуту босоногий человек на уступе ледника привскочил и с победным

криком «гры» вышиб из-под камней ствол дерева. Каскад каменных глыб с грохотом обрушился на голову зверя.

Медведь упал. Он лежал в сугробах всё больше вытягиваясь и суча задними лапами. Снег вокруг размозжённого черепа быстро краснел и таял.



Человек на уступе ледника ликующе потряс поднятыми руками, что-то зычно и гортанно крикнул и прыгнул вниз. Он грациозно пролетел по воздуху не меньше десяти-двенадцати метров и точно опустился на тушу зверя, вцепившись пальцами в его шерсть. А с откосов оврага, не переставая радостно вопить,

скатывались прямо по снегу босоногие охотники. Они хохотали и приплясывали в сугробах и очень походили теперь на обезумевших обезьян. Некоторые из них, припав к черепу медведя, жадно пили горячую кровь. Другие ловко, одним ударом, разбивали камни и острыми гранями вспарывали тушу. Скоро в руках всех охотников оказались огромные куски мяса, которое они пожирали, громко чавкая и по-звериному урча. По-видимому, эти звуки означали высшее наслаждение, которое испытывали сейчас охотники.

— Да, — передохнул, наконец, Великанов, — сознаюсь, эта

трапеза не вызывает у меня аппетита! Первобытное человеческое стадо! Но ты обратила внимание, Муха, что они уже пользуются камнями, как ножами и топорами! Это же колоссальный прогресс!

— Вижу, — прошептала Муха, — там творится такое, что мне стало даже жарко и на всём теле выступил пот…

— Да, Муха, они уже не обезьяны! Дикари, но клянусь, не обезьяны!

— Тише!.. То вы говорите мне «тс», то начинаете так басить, что они могут нас услышать!

— Поверь мне, им теперь не до нас! Ты смотри, смотри, что там делается!..

Один из охотников, насытившись медвежатиной, завладел куском шкуры зверя, счистил каменным скребком остатки мяса и швырнул их волосатым подросткам — их было не меньше дюжины. Как самые обыкновенные резвые мальчишки, толкаясь и ссорясь, они набросились на мясо и тут же сожрали его. А сытый охотник благодушно разглядывал шкуру и вдруг, осенённый какой-то неожиданной мыслью, напялил её на свои плечи и опустился на четвереньки.

— Гры, гры! — весело зарычал он.

— Гры! — в ужасе завопили волосатые подростки тонкими голосами и бросились врассыпную.

Взрослые охотники перестали жевать и насторожились.

— Гры, гры! — передвигаясь на четвереньках, рычал скрытый шкурой охотник.

Оглушительный звериный хохот потряс овраг. Дикари окружили изобретательного охотника, с интересом заглядывая под шкуру и похлопывая его по широкой спине. Он поднялся во весь рост, продолжая кутаться в шкуру.

— Кто знает, — задумчиво сказал часовой мастер, — может быть, благодаря такой шутке у первобытных появился первый костюм. Видишь, он не хочет расставаться со шкурой, так как почувствовал, что под ней тепло и уютно…

Часовой мастер приподнялся, чтобы получше рассмотреть первый наряд первобытного человека, но от неосторожного движения сугроб, скрывающий его и Муху, заколыхался, сдвинулся с места и с шумом обрушился с уступа ледника.

Дикари умолкли и разом обернули к ним свои страшные лица.

— Бежим! — крикнул Великанов. — Скорей, Муха!

Она стремительно вскочила и побежала на лыжах по леднику.

— Скорей! — хрипло кричал за её спиной Великанов. — Они прыгают с уступа на уступ, как блохи! Скорей, иначе, клянусь всем прошлым и будущим человечества, будет поздно! Они, как пить дать, могут употребить наше мясо на второе блюдо! Обжоры! Мало им пещерного медведя!

— Да помолчите хоть сейчас! — в отчаяньи вскрикнула Муха.

Волосатые люди уже выскакивали на ледник, и она слышала их рычание.

Ветер засвистел в ушах Мухи. Она быстро скользила по своему старому следу и, оглянувшись ещё раз, увидела, что

Великанов сильно отстаёт. Ветер раздувал полы его шубы, которую он расстегнул, лёжа за сугробом, чтобы согреть её, но так и забыл застегнуть. От дикарей, широко и изящно прыгающих по снегу, его отделяло не больше трёхсот метров.

— Застегните шубу! — крикнула Муха, но он не услышал её. Девочку охватил ужас. Но могла ли она в минуту смертельной опасности оставить без помощи своего спутника? А как она могла помочь ему — об этом Муха сейчас не думала. Девочка развернула лыжи и заскользила навстречу часовому мастеру.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой продолжаются приключения Мухи и часового мастера

Стадо волосатых быстро приближалось. Когда Муха поравнялась с Великановым, дикарям осталось проскакать по сугробам около ста метров.

— Застегните же шубу! — что было сил прокричала девочка и вдруг увидела, что часовой мастер совсем не собирается торопиться. Он стоял спиной к Мухе, спокойно глядя, как на него накатывается рычащая орава людей-уродов.

— Бегите! — рыдающим голосом снова крикнула она. — Товарищ Великанов, бегите!..

— Береги нервную систему, Муха! — ответил он громко, не поворачивая к ней лица. — Стой и не шевелись!

Стадо волосатых было совсем близко. Она уже слышала их шумное дыхание, то и дело прерываемое грозным рёвом, и видела страшные получеловеческие лица с выпученными бесцветными глазами, наполненными бессмысленной яростью. Снег вихрился под их ногами.

И тут совершенно неожиданно они остановились, сталкиваясь друг с другом, и попятились.

— Жжи! — испуганно провопил один из них.

— Жжи! — в паническом ужасе повторило всё стадо. — Жжи!

Дикари повернулись и побежали назад.

— Ага, обжоры, не по зубам пришёлся орешек! — торжествующе закричал им вслед часовой мастер. — Ату, держи их! Я вам не пещерный медведь! Ах, вы, бессовестные босяки! Оказывается, вам нравится «гры», а «жжи» вы терпеть не можете!

Через минуту на леднике не осталось ни одного дикаря.

— Чем вы испугали их? — переводя дыхание, спросила Муха. — Что такое «жжи»?

Он повернулся к ней и показал карманный фонарик.

— Я зажигал и гасил его, когда приблизились эти босяки, — сказал Великанов усмехаясь. — Как я и думал, блеск огня привёл их в содрогание. Они смертельно боятся «жжи»! Насколько я понял их музыкальный язык, «гры» — это медведь, а «жжи» — огонь.

— Но я читала, что первобытные люди очень ценили огонь, — возразила Муха.

— Но это же ещё полулюди! — сказал он. — Первобытное стадо, хотя его и принято называть человеческим. Пройдёт ещё не мало тысячелетий прежде, чем они приручат огонь и заставят его служить себе и…

Великанов не договорил, потому что далеко-далеко за сугробами мелодично и звонко пробили часы веков:

— Бо-о-оммм…

И, словно по взмаху волшебной палочки, всё вокруг Великанова и Мухи чудесно изменилось. Они стояли уже не на леднике, а на прелестной зелёной лужайке, которую омывала

широкая река с чистой, просвечивающей, будто стекло, водой. Жёлтый песок устилал её берега, поросшие там и тут камышом и осокой.

За лужайкой виднелся густой лес, и Муха без труда узнала так хорошо знакомые ей и милые сердцу берёзы, осины, сосны и ели…

— Куда мы попали? — радостно вскрикнула она, сбрасывая лыжи и взбираясь на большой валун, который высовывался из травы, слово каменный гриб. — Какой здесь замечательный воздух! А как здесь много цветов! От ледника ничего не осталось!

— Нет, осталось, — качнул головой часовой мастер, снимая шапку и вытирая вспотевший лоб.

— Вы шутите! — рассмеялась Муха. — Здесь так тепло!

— И всё-таки осталось!

— Где?

— У тебя под ногами…

— Под ногами? — Муха сделала гримаску. — Да ведь это же камень!

— Именно!

— Что общего между ледником и этим камнем, который стал совсем горячим от солнышка?

— А ты посмотри, как этот камень великолепно отшлифован! Ни одного выступа! Его даже приятно погладить ладонью…

— Ну и что же?

— Это валун.

— Я знаю.

— Ты очень мало знаешь! — рассердился часовой мастер. — Не сомневаюсь, что в школе вам объясняли, как появились валуны — и маленькие и огромные, величиной с дом.

Муха смутилась.

— Да, кажется, нам рассказывали… Но это было очень давно, когда я училась ещё в четвёртом классе…

— Давно! Всего год назад? А разве ты не должна всю жизнь помнить то, что слышала в школе?

— Я, наверно, была тогда невнимательной, — призналась Муха, вздыхая.

— Она была невнимательной! — проворчал часовой мастер. — И бедные учителя тратят на этаких девчонок и мальчишек время и силы! Так знай же, нерадивая школьница, что валун, на котором ты сейчас стоишь, отшлифовал ледник! Тот самый ледник, где нас чуть-чуть не сожрали волосатые!

— Правильно!

— Ещё бы не правильно!

— Интересно, сколько лет потребовалось леднику, чтобы так мастерски отполировать этот камень?

— Ну, на этот вопрос ответить трудно, — пожал плечами часовой мастер. — Ледниковые эпохи длились многие тысячелетия. И сколько их было, этих эпох, никто точно не знает. Может быть, две, а может быть, четыре или даже пять… Менялся климат на Земле, постепенно наступали похолодания, а ледники тысячекилометровыми языками вытягивались с севера по нашему полушарию. По одному такому язычку мы с тобой и совершили нашу прогулку… Ой!.. — вдруг вскрикнул он, беспокойно теребя бороду.

— Что случилось? — испугалась Муха, прыгая с камня на траву.

— Я потерял на леднике свой электрический фонарик.

— Так он, наверно, валяется где-нибудь в траве, — сказала она озираясь.

— Каким образом фонарик мог оказаться в траве? — Часовой мастер посмотрел на девочку, иронически улыбаясь.

— Очень просто, — беспечно сказала Муха, — из ваших слов я поняла, что наш ледник отступил и растаял, потому что на Земле наступило новое потепление. А если так, то фонарик с растаявшего ледника мог свалиться только в траву.

— До чего же ты несерьёзное существо, Муха-мушка! — вздохнул Великанов. — Как ты думаешь, сколько лет прошло с той минуты, когда мы были на леднике?

— Не знаю…

— Потепление так же, как и похолодание, — процесс весьма и весьма продолжительный. Я считаю, что мы с тобой катались на лыжах по леднику не менее, чем сто тысяч лет назад!

— Ого!

— А может быть, и того больше!

— Ого-го!

— Если фонарик упал в снег сто тысяч лет назад, то что от него осталось?

— Он… проржавел… истлел за эти годы.

— За эти годы? Да он рассыпался в прах ещё девяносто девять тысяч девятьсот девяносто лет тому назад! Попробуй теперь разыскать его остатки!

— Как странно! — вырвалось у Мухи. — Но вы даже не успели снять лыжи со своих ног! Только подумать — сто тысяч лет! А каменный век всё ещё длится?

— Конечно! Каменный век длился не менее полумиллиона лет.

— Интересно, как выглядят сейчас дикари?

— Увидим… Послушай, Муха, ты не чувствуешь запаха гари?

Она потянула носом воздух.

— Чувствую! По-моему, в лесу горит костёр.

— Пойдём проверим… Только я предварительно освобожусь от лыж и сниму шубу. Становится нестерпимо жарко!

Великанов сбросил шубу на камень.

— Э-э, — проговорила Муха, — вы поступаете неосмотрительно! Зачем вы оставляете здесь шубу? Мы уйдём в лес, а часы веков снова пробьют…

— И моя шубка, как и фонарик, канет в лесу! — усмехнулся он. — Ты права, уж лучше я не буду с ней расставаться.

Часовой мастер взял шубу под мышку и, помахивая ушанкой, двинулся к лесу.

В тени деревьев было прохладно, однако двигаться меж ними оказалось делом сложным. Заросли старых и молодых деревьев очень напоминали Мухе знакомые ей леса Подмосковья, но это был ***девственный*** лес, который ещё не слышал визга пилы и стука топора. На каждом шагу дорогу преграждали упавшие от старости деревья и бурелом. К счастью, путники обнаружили тропинку, которую, должно быть, проложили какие-то животные.

Гарью пахло всё сильнее, и скоро они набрели на большой участок выгоревшего леса. Обуглившиеся деревья все еще дымились, а в одном месте под свалившимся чёрным стволом путники увидели запёкшуюся тушу оленёнка.

— Бедный олешек! — горячо сказала Муха. — Почему же он не убежал от огня?

— Не успел, — вздохнул Великанов. — Похоже, что в ствол, под которым он лежит, ударила молния. Так и есть, загоревшееся дерево рухнуло и придавило оленёнка… Но послушай, Муха, как аппетитно пахнет жареным мясом! Не отведать ли нам этого приготовленного самой природой жаркого?

— Ни за что! — вздрогнула она. — Бедный олешек!

— Напоминаю тебе, что последний раз мы ели сто тысяч лет назад! — рассмеялся часовой мастер.

— Ни за что! — повторила Муха. — Я лучше умру от голода!

Однако Великанову тоже не удалось отведать жареной оленины, потому что где-то послышались человеческие голоса, и путники поспешили скрыться за густым орешником. Муха видела из своего укрытия, как на противоположной стороне выгоревшего участка зашевелились кусты и в увядшей от недавнего пожара зелени мелькнули два смуглых лица.

Это были юноша и девушка. Несмотря на то, что их тёмно-русые волосы никогда не знали ножниц, гребёнки и мыла, а серые глаза смотрели на пожарище диковато-настороженно, лица юноши и девушки чем-то удивительно располагали к себе. Они даже были красивы своей особой грубоватой красотой. Мужественное лицо юноши с резкими, угловатыми чертами

припорошил лёгкий пушок первой бороды. Чуть выдающийся подбородок девушки подрагивал, а полные, очень красные губы поражённо приоткрылись. Но в её глазах отчётливо светился страх. Всепобеждающий страх первобытного человека перед непонятной и непобедимой силой ***Великого Огня***, который так больно жалит и уничтожает всё, что попадается на его пути.

Юноша что-то коротко сказал девушке и обнял за плечи. Он явно хотел пересилить её страх и ступить вместе с подругой на выжженную землю. А может быть, он сам боролся с собственным страхом, желая показать ей свою отчаянную смелость.

Она громко вскрикнула, отбросила его руку и скрылась за кустом.

Юноша рассмеялся и позвал подругу гортанным окриком. Она не показывалась. Тогда он осторожно раздвинул ветки и вышел из-за куста. Однако отвага сразу же покинула юношу, как только ступни его босых ног почувствовали тепло золы. Он остановился в нерешительности, высокий и стройный, в потёртой шкуре какого-то зверя, которая только до колен закрывала его сильные ноги. На мускулистых икрах юноши густо вились золотистые волосы — остатки первобытной шерсти. Такие же волосы покрывали его руки и грудь, наполовину скрытую шкурой зверя.

Сначала Мухе показалось, что он опирается на посох, но присмотревшись, девочка увидела, что он держит в руке топор. Отточенный и гладко отшлифованный камень был накрепко прикреплён кожаными ремнями к длинному древку — в трёх местах эти тугие, искусно переплетённые ремни пронизывали камень насквозь. Муха невольно подумала, как трудно было юноше просверлить в топоре три отверстия: ведь ему пришлось камень сверлить камнем!

Юношу мучали сомнения. Он шагнул вперёд и опять остановился, приподняв одну ногу. Подрагивающие пальцы этой ноги неторопливо прощупывали тёплую золу: а вдруг там прячется огонь! Но огонь под золой уже погас, и он, успокоенный, сделал ещё несколько шагов.

— Э-о! — резко крикнул он, оборачиваясь к кустам. — Э-о!

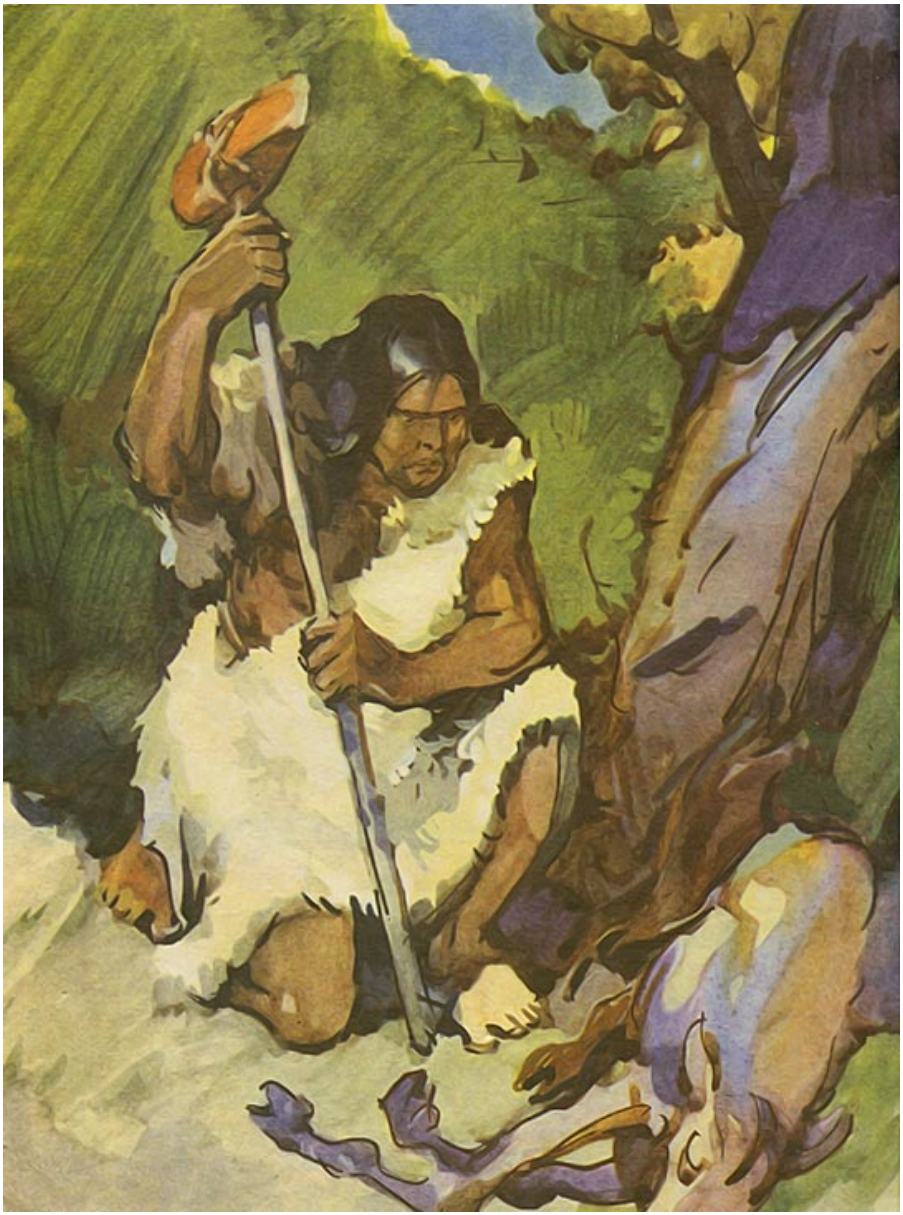
Среди увядшей зелени снова появилось девичье лицо, на котором ясно отражались смешанные чувства ужаса и восхищения беспредельной смелостью юноши. Вероятно, ни один из знакомых ей соплеменников не подходил так близко к самому страшному из всего того, что можно встретить в жизни.

— Чоос! — тихо и проникновенно сказал юноша, улыбаясь ей и продолжая ворошить золу босой ногой.

Кто знает, что означало это странное слово «чоос»? Может

быть, юноша хотел сообщить подруге, как мягок и приятен на ощупь серый пушистый порошок, сотворённый огнём, и какое ласковое тепло разливается по телу от соприкосновения с ним? Девушка тоже улыбнулась, пересилив страх. Но её приоткрытые красные губы всё ещё взволнованно подрагивали.

Ободрённый её улыбкой, он шёл по выжженной земле медленно и настороженно, затаив дыхание, как ходят в наши дни мальчишки по первому льду на речке. Внезапно юноша вздрогнул и замер на месте: он увидел погибшего в огне оленёнка. Вот оно, доказательство того, как коварно приятное тепло под ногами! Великий Огонь несёт смерть всему живому!



Он попятился. Но, видно, желание узнать неведомое на этот раз победило в нём страх. Что сделал огонь с оленёнком?

Юноша протянул вперёд топор и разрезал каменным остриём обуглившуюся шкуру. Она легко отвалилась от запечённого мяса, над которым поднимался тонкий ароматный пар.

Юноша потянул носом воздух. Непривычный запах, должно быть, и отталкивал и почему-то дразнил обоняние. Юноша брезгливо поморщился: он знал вкус крови и сырого мяса, знал вкус сырых кореньев и ягод, но никогда у него во рту не было ничего того, к чему прикасался огонь. И всё-таки лёгкий аромат

изжаренного мяса чем-то привлекал его.

— Да попробуй же его, дурень! — услышала Муха шёпот часового мастера. — Смелее, молодой человек! Честное слово, жареный оленёнок куда приятней, чем какая-нибудь длиннохвостая крыса, которую вы, небось, не раз пожирали прямо с шерстью, когда бывали голодны!

— Тише! — с мольбой прошептала Муха. — Опять вы затараторили, как пулемёт!..

Юноша наклонился над оленёнком, вынул откуда-то из своего наряда каменный нож и отрезал довольно большой кусок жареного мяса.

— Очень хорошо! — зашептал Великанов. — Роскошное филе! Такое подадут не в каждом ресторане! Теперь отведайте его на вкус, молодой человек, и мы с Мухой станем свидетелями, как в жизни первобытного человека начнётся новая эра! Эра огня! Из врага огонь превратился в вашего вечного друга!

Юноша поднёс мясо к носу.

— Юх! Юх! — испуганно закричала девушка, что, наверно, означало — «нельзя, нельзя». Но было уже поздно: юноша жевал жареное мясо!

Сколько чувств отразилось на его диковатом лице! Любопытство, брезгливость, страх и, наконец, удовольствие, которое ему доставляла новая пища.

Девушка смотрела на него широко открытыми неподвижными глазами.

Юноша прожевал и проглотил мясо, комически вытягивая шею. На его лице блуждала улыбка. Он опять поднял ко рту кусок оленины и уже больше не опускал. Он звучно чавкал и посапывал от наслаждения, жир блестел на его щеках и кончике носа. Он сделал последний глоток и восторженно прокричал:

— Чоос! Чоос!

От возбуждения юноша пританцовывал, призывая свою подругу отведать жареной оленины. Она не шла, испуганно покачивая головой.

— Най шарос тогу! — убеждающим тоном сказал он и указал рукой на восток. Возможно, где-нибудь далеко в той стороне обитало племя, которое уже приручило Великий Огонь и заставило служить себе. И возможно, люди из этого племени рассказывали о том, как хорошо огонь согревает их в холод, охраняет от болезней и делает пищу здоровой и вкусной. Но тем людям, наверно, не верили, считая их бессовестными хвастунами. А сегодня юноша убедился, что они говорили правду…

— Най шарос тогу, — значительно повторил он, отрезая ещё один кусок оленины. Держа мясо в вытянутой руке и мягко ступая по золе, юноша шёл к своей подруге. А она замерла на месте, не сводя глаз с оленины, дымящейся на его ладони.

— Ам, — ласково сказал он, протягивая ей мясо.

Девушка робко взяла мясо.

— Ам, — снова сказал он подбадривающе.

Она откусила небольшой кусочек. Юноша выжидательно смотрел, как она, перестав дышать, жуёт мясо.

— Чоос! — проговорила девушка нежным гортанным голосом, глубоко вздыхая и улыбаясь.

И в ту же минуту далеко-далеко раздался мелодичный звон:

— Бо-о-оммм…

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,
в которой Муха и часовой мастер спасают от смерти мальчика и возвращаются домой

Так же, как и в первый раз, когда пробили часы веков, всё вокруг Мухи и Великанова изменилось в одно мгновение. Прежде всего они почувствовали очень сильный, сбивающий с ног холодный ветер. Потом Муха увидела голый осенний лес, бешено раскачивающийся под ветром, и услышала тягостный вой урагана. Низкие клочковатые облака грязно-серого цвета, словно тени, неслись над ревущими и свистящими деревьями. И, казалось, что всё кругом летит куда-то в неровном, дрожащем свете.

Шуба вырвалась из рук Великанова и, хлопая полами, запорхала над пожелтевшей травой. Он побежал за шубой, с трудом удерживаясь на ногах, упал, поднялся и снова упал. Муха бросилась ему на помощь, но ветер свалил её и покатил по земле. Она цеплялась пальцами за траву, силясь задержаться на месте, но трава вырывалась вместе с корнями.

Муха безуспешно пробовала кричать, ветер плотной, тугой массой врывался в лёгкие. Она катилась с закрытыми глазами

неизвестно куда, беспомощная и обессиленная ураганом.

Наконец её прижало к какому-то облетевшему кусту. Рвущиеся из стороны в сторону ветки больно хлестнули Муху по щеке. Она открыла глаза и увидела в отдалении часового мастера, который, стоя на коленях, пытался отодрать свою шубу от белоствольной берёзы. Полы шубы так плотно обхватили дерево, будто прилипли к нему. В конце концов Великанову удалось стянуть шубу на траву, и он рывком бросился на неё, как зверь бросается на добычу. Отдышавшись и продолжая лежать на шубе, Великанов каким-то сложным способом просунул руки в рукава, застегнул пуговицы и сел.

Он отыскал глазами Муху и поманил её к себе. Она не решалась оставить спасительный куст, но он звал её снова и снова.

Муха поползла по траве и на этот раз добралась до часового мастера без всяких осложнений. Ей показалось, что ветер начал ослабевать.

— Я вижу за деревьями какие-то скалы, — прокричал в её ухо Великанов, — там мы укроемся от урагана…

Однако укрыться в скалах от урагана им не пришлось. Как только они миновали лесные заросли, ветер налетел на них с новой силой и повалил с ног.

«Я устала и хочу домой», — хотела крикнуть Муха часовому мастеру, но он предупредил её, делая отчаянные знаки, чтобы она молчала.

Только теперь Муха поняла, что так обеспокоило его, — в тридцати-сорока метрах от них прямо на траве сидели люди, одетые в мохнатые шкуры. Слева от этих людей поднималась угрюмая, тёмная скала с пещерой внизу. От подножья скалы к небу вздымались, тяжко раскачиваясь, старые, толстые деревья.

Все люди — их было не меньше пятидесяти — сидели спиной к Мухе и Великанову, и поэтому появление двух незнакомцев осталось незамеченным. К тому же их внимание целиком занимало нечто чрезвычайно важное. Они сидели, не шевелясь, запрокинув головы и глядя куда-то вверх.

Сначала Мухе показалось, что они разглядывают сквозь сплетение беснующихся веток низко летящие облака. Потом она услышала пронзительное, хватающее за сердце скрипение и поняла, что так заворожило этих людей в мохнатых шкурах.

До урагана или во время урагана с вершины скалы свалилась тяжёлая каменная глыба и тесно прижала ствол берёзы к другому такому же стволу. Ураган мощно раскачивал деревья, и поэтому ствол беспрерывно тёрся о ствол, издавая резкий скрип. И от того места, где стволы соприкасались, с каждым порывом урагана в

воздух взлетал синий дымок, молниеносно уносимый ветром. А как только появлялся дымок, сидящие люди хором, словно по команде, радостно вскрикивали:

— ХХо-о!

Часовой мастер подёргал Муху за руку и отполз назад, за куст. Она последовала его примеру, и Великанов прокричал сквозь шум ветра:

— Это поразительно, Муха! Мы видим, как сама жизнь учит наших далёких предков добывать огонь!

— А они уже давно пользуются огнём? — крикнула девочка.

— Конечно!

— Опять прошло сто тысяч лет?

— Не знаю… Может быть, пятьдесят тысяч…

— И за пятьдесят тысяч лет они не смогли научиться добывать огонь?

Часовой мастер склонился к её уху, заслоняя рот ладонями.

— Ты должна помнить, что в каменном веке образ жизни людей не менялся многие тысячелетия!.. Это только в наше время

при расцвете науки и цивилизации всякие изобретения сыпятся на человечество, как град… А для людей каменного века найти способ добывать огонь было большим событием, чем для нас открытие атомной энергии! Тысячелетия, бесконечные тысячелетия люди не гасили в своих пещерах костры! Дымящийся костёр переходил в наследство от поколения к поколению… А если он угасал — это было бедствием! Надо было ждать, когда молния подожжёт лес, или похитить огонь у другого племени. Из-за горящей головешки происходили кровопролитные войны!

— Но это же ужасно! — крикнула Муха.

— Что поделаешь…

— Бедные предки!

— Я не сказал бы этого. Вспомни, как знакомые тебе юноша и девушка лакомились жареной олениной. По-моему, они были счастливы!

— Всё равно нашим предкам жилось очень трудно!..

— Как только на Земле появились люди, они всегда стремились устроить свою жизнь получше. Это так и называется — прогресс! Иногда правильные решения людям подсказывал разум: так, наверно, была придумана тёплая одежда из звериных шкур. В другой раз, как например сейчас, людей учил случай. Можешь не сомневаться, они поймут сегодня, что огонь можно добывать при помощи трения… Но погоди, Муха, ветер утихает, и я боюсь, что стволы деревьев уже не загорятся… Так и есть, все эти люди в роскошных мехах выглядят очень разочарованными… Но это не столь важно, они уже получили необходимый урок!

— Они будут добывать огонь?

— Обязательно! А человек, добывающий Великий Огонь, сам становится ***великим***! — торжественно говорил часовой мастер. — Человек больше не будет привязан к костру! Он будет передвигаться по земле, искать новое и творить! Да, да, творить, дорогая Муха! Он закалит в огне камни и металлы, научится делать посуду и великолепные орудия труда! Он научится строить кирпичные здания! Его труд станет творческим! В конце концов, пройдя через тысячи испытаний, он построит такое общество, в котором станет возможным первый полёт в космос! Огонь — это начало цивилизации!

— Вы очень красиво говорите! — сказала Муха.

— Потому что красива жизнь человека, милейшая Муха-мушка! — с жаром проговорил Великанов. — И красивой её делает только труд! Терпеть не могу бездельников!

Между тем ураган совсем затих, и сквозь тучи прорвался яркий поток солнечных лучей. Он залил весёлым светом поляну, жухлую траву и людей в меховых одеждах, которые о чём-то

громко спорили у входа в пещеру. Косые лучи скользнули в сумрак пещеры, осветили её стену, испещрённую рисунками каких-то животных, и упали на серую, холодную золу костра.

Муха вздрогнула.

— Кажется, в пещере погас костёр!

— Ах, какое несчастье! — сжал ей руку часовой мастер. — Нет, ты даже не представляешь себе, Муха, какое несчастье постигло этих людей! Так вот почему они так жадно смотрели на задымившиеся стволы! Но и там, увы, неудача…

У входа в пещеру кто-то громко воскликнул:

— Па!

Все почтительно расступились и умолкли. Из пещеры медленно вышел старик.

По обеим сторонам его морщинистого лица свисали длинные седые волосы. Старик сделал несколько шагов и остановился.

— Насколько я понимаю, мы видим предводителя всех этих людей, — заинтересованно проговорил Великанов. — Посмотрим, что решит этот Па…

Старик что-то спросил сипловатым, дребезжащим голосом. Молодой воин с большим тугим луком на плече и колчаном стрел у пояса шагнул навстречу Па и быстро заговорил. Было заметно, что ему не хватает слов, он часто повторял одни и те же звуки и для большей убедительности кривлялся и помогал себе руками. Он так размахивал ими перед лицом Па, то и дело указывая на стволы деревьев, что Муха невольно ухмыльнулась.

— К сожалению, с помощью рук объясняются ещё и в наши дни некоторые люди, — сказал часовой мастер. — Удивительная дикарская привычка, дошедшая до нас сквозь тысячелетия! Заметь, что он болтает и размахивает руками уже десять минут, а между тем всё можно объяснить несколькими словами: стволы деревьев не загорелись!

Старый Па только один раз взглянул на стволы. А когда воин умолк, заговорил он сам, точно так же двигая руками и кривя

морщинистое лицо. Чем дольше говорил старик, тыча рукой то в потухший костёр, то в незагоревшиеся стволы над своей головой, тем больше краснело его морщинистое лицо и тем злее и исступлённее звучал его дребезжащий голос. Под конец Па начал визжать и топать ногами.

— Кому-то придётся плохо, — вздохнул Великанов, — старик, видимо, разъяснил своим людям, кого следует наказать. Наверно, костровой заснул, когда они были на охоте, и не подложил в костёр хвороста… Всё ясно: виновника до сих пор щадили, надеясь, что Дух Огня покровительствует ему и хочет зажечь стволы двух этих берёз.

— Но ведь стволы не загорелись потому, что утих ураган! — сказала Муха.

— Такие тонкости непонятны в этом обществе! Раз не загорелись, значит Дух Огня отказался покровительствовать костровому!

— Вы думаете, его накажут?

— Со всей строгостью первобытных законов!

— А что ему сделают?

— Не знаю… Да вот волокут и самого кострового… Ого! Ты посмотри, как этого беднягу скрутили ремнями!

— Но он же совсем мальчик! — вскрикнула Муха.

— Да, пожалуй, ему лет пятнадцать… Для каменного века, кстати сказать, возраст вполне достаточный, чтобы отвечать за свои проступки…

— Он стонет!

— Ещё бы! Ты видишь, как ремни впились в его руки и ноги?

— Я не могу смотреть на это, товарищ Великанов!

— Меня самого подирает мороз по коже, Муха! Ведь этот юнец уже человек, а не человекообразная обезьяна! Когда ты бросалась на помощь обезьяне, рискуя жизнью, я не очень понимал тебя… Но сейчас перед нами ***человек***!

— Ему надо помочь, товарищ Великанов!

— Надо, но как? Боюсь, что… боюсь, что наши милые предки собираются принести его в жертву Духу Огня!

Муха окаменела. Она не могла двинуть ни одним пальцем. Сквозь странный туман, задёрнувший её глаза, она видела, как старик Па пнул ногой брошенного на землю мальчика и взял из рук какого-то воина каменный топор.

— Ах, я, старый дурень! — вдруг сказал часовой мастер. — Я потерял электрический фонарик… Но я не потерял свои спички! Целый коробок спичек!

В это время племя надсадно затянуло какую-то песню, а старый Па поднял над мальчиком топор.

— Остановись, Па! — громовым басом закричал Великанов, выходя из-за куста. — Остановись, иначе Дух Огня покарает тебя самого!

Выскользнувшая следом за Великановым Муха ясно увидела, что все люди в меховых одеждах шарахнулись в сторону.

Они сейчас же оправились и взметнули свои луки, топоры и дротики, чтобы поразить двух удивительных низкорослых незнакомцев. Однако они не успели этого сделать, так как в руках часового мастера сверкнул огонёк зажжённой спички.

И этот крошечный огонёк поразил их больше, чем мог бы поразить приставленный к сердцу нож.

— Ххо! — завопили они в один голос.

Люди в меховых одеждах бросали оружие на землю. Они падали на колени и поднимали руки с растопыренными пальцами над своими головами, показывая, что в их руках больше нет никакого оружия.

— Не надо так волноваться, граждане! — говорил Великанов, подходя к связанному мальчику и продолжая зажигать спички. — Право же, вашему племени ничего не угрожает, потому что мы

пришли из такого племени, где убийство человека считается самым мерзким преступлением! Вы не понимаете меня? Ну что ж, я на вас не в обиде… Скажу вам больше: я был уверен, что вы не поймёте меня… А говорю я вам всё это для того, чтобы мне самому не было страшно! Когда работает язык, как-то спокойнее на душе!

— Надо развязать мальчика, — заикаясь, сказала Муха. — Он так закручен, что тут и в год не разобраться!

— Па! — грозным басом рявкнул часовой мастер.

Старый Па на коленях добрался до Великанова. Лицо Па было таким же белым, как и его нечёсанные седые волосы.

Осмелевший Великанов, кривляясь и жестикулируя, как дикарь, дал ему понять, что мальчик должен быть освобождён. Па развязал его за несколько секунд и попятился на коленях на прежнее место.

Дрожащий всем телом мальчик продолжал лежать. Это был премилый русоволосый юнец с чуточку оттопыренными грязными ушами и немытым лицом.

— Ххо! — бормотали его искривлённые страхом губы. — Ххо!

— Поднимайся, юный предок! — сказал часовой мастер. — Дух Великого Ххо дарует тебе жизнь!

— Зачем вы морочите ему голову каким-то духом? — с чувством некоторого возмущения проговорила Муха. — Лучше бы вы разъяснили этим людям, что на земле нет и никогда не было никаких духов!

— Может быть, я ещё должен научить их таблице умножения? — усмехнулся Великанов. — Всему своё время, Муха-мушка! Пройдёт каких-нибудь полмиллиона лет, и всё станет ясно без моих объяснений… Гм… Впрочем, как тебе, наверно, известно, даже в наше время ещё существует какое-то количество людей, которые на полном серьёзе продолжают верить в разных духов…

— Это так, — сказала Муха, — но вы опять очень много говорите, а пещерные люди смотрят на нас и, чего доброго, подумают, что мы явились к ним со злыми намерениями!

— Ты права, Муха, тогда нам не сдобровать! Поднимайся же, мой неумытый предок, и принимайся за дело, которое было прервано твоим несвоевременным сном!

Он помог мальчику подняться и жестами показал, чтобы он положил в потухший костёр валежник. Мальчик немедленно повиновался указанию часового мастера.

— А теперь, — крикнул Великанов всему племени, продолжающему стоять на коленях, — смотрите сюда, мужчины, женщины и дети! Смотрите внимательно, сотворённые многовековым трудом люди! Я зажигаю ваш костёр! Я пошутил, я не дух Великого Ххо! Я просто человек, такой же, как и вы, но только поопытней, чем вы, и, пожалуй, подобрее. И потому что я поопытнее и подобрее вас, я возвращаю вам огонь, без которого вы уже не можете жить! Я возвращаю вам жизнь! Из племени в племя вы понесёте легенду о том, как к вам явились добрые духи. Легенда эта скоро забудется, но потомки ваши не забудут, что огонь можно добывать при помощи трения. Сегодня вы сами убедились в этом! И очень скоро самые дотошные из вас добудут огонь своим трудом! Вот чем знаменателен ваш сегодняшний день! Один из самых исторических дней в истории человечества! Э-э, да вы же всё равно ничего не поняли из сказанного мной, дорогие предки!

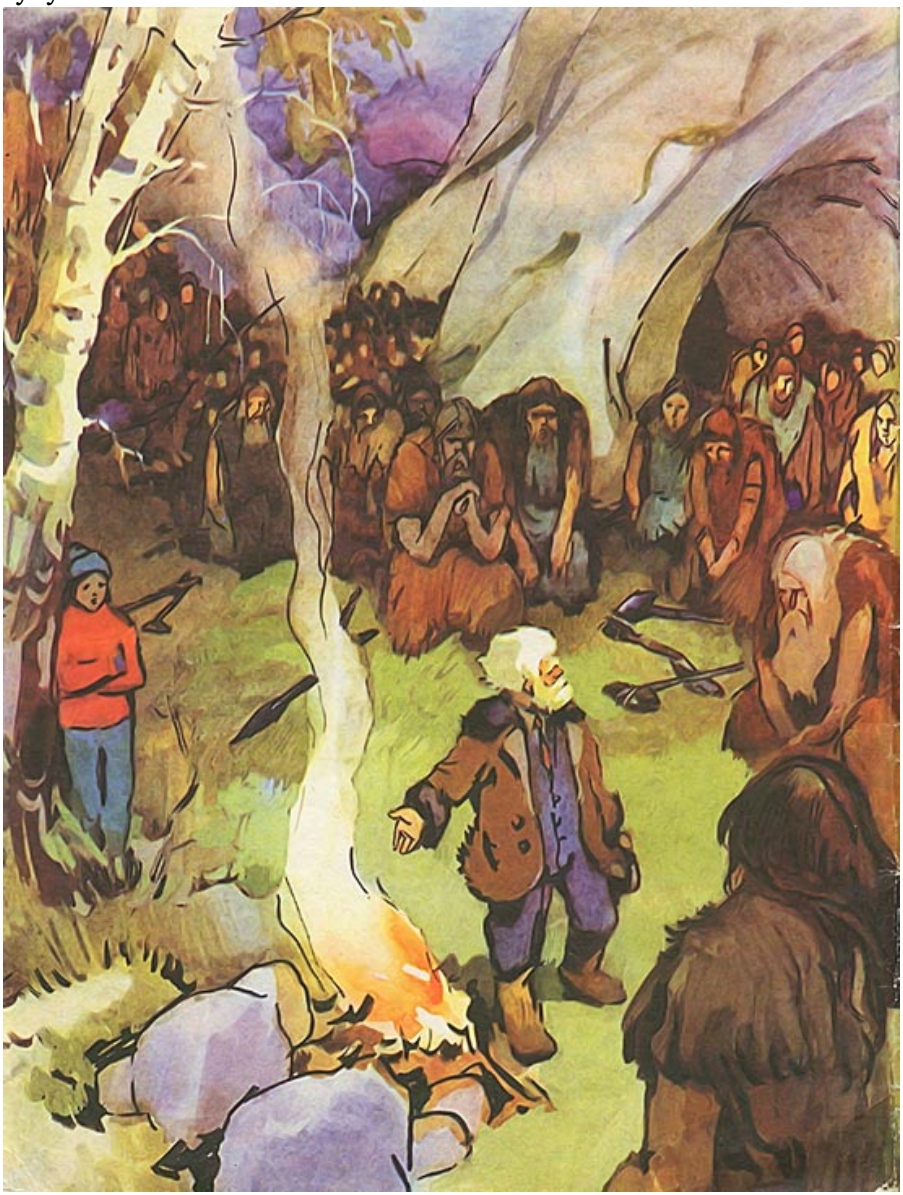
Часовой мастер чиркнул спичкой.

— Гори, Великий Огонь! — пробормотал он.

— Давно бы так! — вырвалось у Мухи.

Сначала нежно-голубой, потом тёмно-серый дым заколебался над костром, и золотистые язычки пламени запрыгали в потрескивающем валежнике.

С каким наслаждением вдыхали пещерные люди знакомый с детства и такой невыразимо приятный, горьковатый запах горящего костра! Их ноздри раздувались и подрагивали, а глаза блестели. С священным трепетом смотрели они на Великанова и Муху.



— Ххо! — тихо сказал спасённый от смерти мальчик.

— Ххо! — как эхо, проговорили люди всего племени.

— Живите, дорогие предки! — снова раздался бас Великанова. — И пусть ваша жизнь день ото дня становится лучше!..

Он поднял глаза на тесно сдавленные стволы двух берёз, с

силой потёр руку о руку и многозначительно прибавил:

— Ххо!

Мухе показалось, что пещерные люди поняли его. Во всяком случае, все они с большим чувством, точно так же потёрли свои руки и, глядя на берёзы, повторили:

— Ххо!

Муха и Великанов медленно удалились. Никто не сказал им ни слова, и никто не пытался задерживать. Кто мог осмелиться вступать в общение с духами? Тем более, что никто из пещерных людей ещё не знал слов благодарности.

— Тик-так, тик-так, — всё громче стучали часы веков, — тик-так, тик-так…

Путешественники обнаружили заднюю дверцу часов в огромном камне у широкого и светлого озера. Стаи диких уток крякали в сухих камышах. Вероятно, они уже собирались в

дальний, повторяющийся из века в век путь на юг, в тёплые земли, где обитали другие люди, другие племена…

Часовой мастер открыл дверцу, и путешественники через несколько секунд оказались в комнате.

«Мррр», — издала кошка рокочущий звук, прыгая на пол с кресла и стараясь потереться о ногу девочки.

— До свидания, Муха-мушка, — сказал часовой мастер.

— Мы увидимся завтра? — спросила она.

— Не… знаю, — ответил он неопределённо, — у меня есть кое-какие неотложные дела…

* * *

… На этом, собственно, и кончаются необычные приключения Мухи.

Автору остаётся только прибавить, что она больше никогда не встречала часового мастера. Возможно, он переехал в другой город. А что касается волшебных часов, то они по-прежнему стоят в столовой той самой квартиры, где живёт Муха. Но, увы, эти часы снова не ходят. Впрочем, кто знает, может быть, они когда-нибудь зазвенят снова. Во всяком случае, Муха очень этого хочет и частенько напевает, глядя на них:

Не идут часы никак —
И ни тик и ни так,
Но я знаю сделать как,
Чтоб ходили тик да так.

notes

Примечания

1

Необходимо отметить, что всё сказанное старичком Великановым о памятниках для детей соответствует действительности. В Москве, например, сооружён памятник Павлику Морозову, на Урале — Коле Мяготину, на Украине — Вале Котику и т. д. В Голландии поставлен памятник мальчику, который спас свою страну от наводнения.